

18+

Хроники Братства Путников

Араксис
С. Иронин

Араксис Пронин

**Хроники Братства Путников.
История в инкарнациях**

«Издательские решения»

Пронин А. С.

Хроники Братства Путников. История в инкарнациях /
А. С. Пронин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968300-7

Эта книга может многое объяснить, но и запутать окончательно. Результат зависит лишь от того, насколько вы готовы видеть скрытую между ее строк информацию. Она — для тех, кто верит в реинкарнации и бессмертие души. Для тех, кто ищет свой Путь и Предназначение. Тех, кто знает, что Магия существует.

ISBN 978-5-44-968300-7

© Пронин А. С.
© Издательские решения

Содержание

Благодарности	6
Вместо эпиграфа	7
От автора	8
Глава 1. Взаперти	10
Глава 2. Армия собирается	17
Глава 3. Предназначенная	25
Глава 4. Смерть ради жизни	52
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Хроники Братства Путников История в инкарнациях

Араксис С. Пронин

© Араксис С. Пронин, 2021

ISBN 978-5-4496-8300-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Я благодарю за помощь и содействие в создании книги СПб РОО «Культурно-просветительский клуб «МИР» и лично его руководителя Тихомирову Г. П. за предоставленные возможности, материалы и информацию, использованные при работе над книгой.

Вместо эпиграфа

*Сквозь миры, времена и пространства,
Коим счет был потерян в веках,
Мы, едва ли друг друга касаясь,
Ввысь летим на открытых к объятьям крылах.*

*Мы с тобой уже где-то встречались,
Вспомнить только бы, где и когда...
Может, в ратных полях
Мы до смерти друг с другом сражались,
Может, нежились томно
В шелках светлых спален дворца...*

*Так давай же позволим и мы
Нашей памяти влиться в раскрытые крылья,
Как мы строили мир, полный света и нашей любви,
Как мы были чисты и наивны.
Я был юн, ты – свежа и прекрасна!
В легком платье твоём шелестела листва...
Обнажившись душой, мы клялись без опаски,
Что отныне и впредь будем вместе всегда...*

*Но «всегда» – слишком громкое слово,
И нас научили его избегать,
Разлучив нас навеки и спрятав глубоко
Все то, что могло нам помочь отыскать
Те чувства: и верность, и нежность, и страсть,
Что мы только друг к другу питали,
Разорвав на клочки нас и наши миры...
Но мы вспомнили! Мы отыскали!*

*Волчицею белой, летящей чрез ночь,
Тебя снова вижу я перед собой.
Я пришел. Я вернулся. Услышал твой зов.
Что хочу я? – Как прежде, быть рядом с тобой.*

Пронин А. С.

От автора

История, рассказанная в этой книге, – наполовину плод моего пылкого воображения. А из чего она состоит на вторую половину, – решать только вам, дорогие читатели. Как знать, может, описываемые в ней события действительно имели место в каком-либо из миров нашей безграничной Вселенной. Но чтобы знать, где именно, давайте сверим наши с вами системы координат.

Представьте, что где-то далеко в открытом космосе есть огромные по своей массе и объему тела. Это несложно, ведь по заверениям астрономов, так оно и есть на самом деле. Но теперь давайте допустим, что у каждого такого объекта, несоизмеримо большего по сравнению с нами, есть сущность, свое сознание, свой собственный разум и воля. И каждое из этих разумных существ хочет взаимодействовать с другими, ему подобными, не только посредством гравитационных полей или запаздывающего на миллионы световых лет электромагнитного излучения, но и более телесно. Однако их масса и размер слишком велики, чтобы приблизиться друг к другу на расстояние физического контакта. И даже если чудом им удастся соприкоснуться, не уничтожив при этом друг друга, это взаимодействие будет точечным, ограниченным, совершенно неинформативным и, потому, бессмысленным.

И они устремляют свою мысль и сознание по тонкому, постепенно сужающемуся все больше лучу в определенную точку пространства, в которой сосредотачивается множество подобных лучей от их соседей по Вселенной. Соединяясь и пересекаясь друг с другом, они создают своего рода голограмму – физически проявленную реальность. В ней существует множество вариантов форм и видов взаимодействия, а с учетом неограниченного количества входящих потоков эта многовариантность стремится к бесконечности. Именно эта точка в пространстве и времени может быть условно названа «Миром».

Во избежание всеобщего хаоса и, в конечном счете, саморазрушения, многовариантностью взаимодействий необходимо управлять, структурировать ее и следить за выполнением принятых в данном конкретном мире законов. Поэтому вокруг Мира собираются ответственные управляющие, ассистенты и помощники. Вот некоторые из них.

Демииурги – это своего рода архитекторы-конструкторы, что проектируют и формируют Мир из имеющихся в наличии видов энергии и блоков информации.

Кураторы и Властители Кармы – следят за законностью действий одних сущностей по отношению к другим и блюдают исполнение **Кармического Закона**, согласно которому, все, что происходит в этом Мире, имеет свою причину и следствие.

Светлые, Темные и Срединники – отвечают за проявление и взаимодействие тех энергий, что в мире рожденных называют Белой, Черной и Срединной магией.

Вознесенные Учителя и Старейшины – наблюдатели, имеющие весомый опыт телесных воплощений и прошедшие множество вариантов физического взаимодействия.

Инквизиторы – следят за законностью и правомерностью действий на всех уровнях Вселенской Иерархии.

И, самое главное: Вы. Во всей этой системе координат Вы есть не что иное, как физическое проявление отдельно взятого луча в точке пространства и времени, что мы называем «планета Земля».

Добро пожаловать в наш Мир!

P.S.: Порой, я упоминаю реальные исторические события, и оттого может сложиться ложное впечатление, что все персонажи и истории этой книги существовали в действительности.

В реальности же любые совпадения можно считать простой случайностью. И если у вас возникнет ощущение, что я говорю о ком-то из ваших друзей, родственников, просто знакомых, или даже о вас лично, – знайте: это всего лишь проявление психологического «эффекта переноса».

Глава 1. Взаперти

В очаге тихо потрескивает огонь, и сквозь закопченное стекло каминной дверцы можно увидеть, как языки пламени медленно, но верно поедают крупные куски напиленной кольцами древесины. При желании можно было бы унести сознанием по межпространственным переходам и временным спиралям в то время и место, где раньше росли эти деревья, и увидеть, почему и как именно они попали под топоры лесорубов. Или даже копнуть глубже и, нырнув между инкарнациями, проследить всю историю воплощений этих поленьев от начала вплоть до сегодняшнего дня, где излучаемые ими свет и тепло согревают меня и черного кота, тихо мурлыкающего рядом. Возможно, в прошлом он сам дарил людям свою любовь вот так же, глядя на мир из-за каминного стекла, в первый и единственный раз в жизни, и благодаря этому теперь получил возможность самостоятельно решать, когда приходить и ластиться, а когда убежать поохотиться на трескучий мороз января. Интересно, чем он заслужил жизнь в тёплом уютном кресле у камина? И кем он родится потом?

С каждым новым воплощением: от одноклеточных – к камням и деревьям, от простейших – к млекопитающим, от грызунов – к хищникам и далее к человеку, у нас повышается количество степеней свободы, но с ними приходит и большая ответственность за свои действия, решения, слова и мысли. Среди нас есть люди, чья степень свободы настолько велика, что от их мыслей зависит будущее Земли, а ответственность до того огромна, что на их намерении, как на нитях, висят судьбы миров и вселенных, не говоря уже о том, что от их решений зависят жизни цивилизаций.

Ошибочно полагать, что подобными возможностями обладают только власть предержащие персоны, или те, кто за ними стоит. Это не так. Люди, раскрывшие в себе сверхспособности, вовсе не стремятся к власти или известности. Скажу больше: их безызвестность – гарантия их безопасности. И таких людей сейчас много. Скорее всего, если вы обратили внимание на эту книгу, вы – один из них.

Всматриваясь сквозь полумрак комнаты в книжные шкафы, расположенные вдоль стен библиотеки, я нахожу древние рукописи и свитки, выхватываю взглядом корешки книг, в которых, судя по названиям, встречаются упоминания о таких людях. Некоторые я узнаю, вспоминая, как сам писал их при тусклом свете лучины в стенах осажденного монастыря.

Пророки, предсказатели, ведуны и ведьмы, Жрецы и Маги, странники и служители культов древности, – мы все были гонимы захватчиками, прикрывавшимися церковью, какой бы она ни была на тот момент. Нас уничтожали и истребляли только потому, что мы знали Истину. Мы знали о своих способностях и возможностях. Знали, что эти, так называемые, сверхспособности не уникальны, и каждый рожденный человек имеет право использовать их на благо себя, своей семьи, своего дома и своего мира. Мы отказались забывать то, что нас вынуждали забыть под угрозой пыток и смерти. Нас жгли заживо и разрывали на части, лишали зрения и речи, замуровывали в стенах и сажали на колья. Ради нас изобрели дыбу и железную леди, испанский сапог и гильотину, но мы остались преданы своим знаниям. Мы уходили в горы и пустыни, объединялись в школы и ордена, основывали монастыри и поселения с тем, чтобы передать свои знания детям, а родившись вновь, – найти их в тайных символах, написанных нашими прадедами на иконах, или между строк в амбарных книгах отца, вспомнить Истину и продолжить бороться за наш Мир. За нашу Вселенную. Нашу Планету. Нашу Землю.

За всю историю, что сейчас помнит человечество, орденов было множество: Тамплиеры, Орден Меча и Розы, Мальтийский Орден, Орден Красной и Белой Розы... Со временем появлялись подражатели, названия становились всё более броскими и вызывающими, но за названиями не было ничего, кроме зависти и ненависти. Да, мы предвидели такой поворот событий, и истинное название Ордена с самого начала было тайной и не звучало нигде, кроме

встреч на самых высоких уровнях Иерархии. Наша безызвестность – залог нашей безопасности, поэтому я расскажу вам современную историю Ордена, так и не раскрыв его названия.

Бывали времена благоденствия, когда нам удавалось отвоевать у захватчиков большую часть Планеты, но череда предательств каждый раз опрокидывала чашу весов, наши учения перевирались, и мы вновь уходили в подполье, начиная всё с начала. Нам приходилось приспособливаться, чтобы нести свое знание в будущее.

В разное время Рыцарей Ордена вынуждали работать на себя магические спецслужбы и разведки практически всех стран Европы, и мы были вынуждены соглашаться, чтобы сохранить свою жизнь и свои знания. Не стала исключением и эта страна. Мировые войны, как и любые другие – были в большей степени магическим противостоянием, нежели состязанием в физическом превосходстве. Наш Мир был на грани уничтожения, и чтобы сохранить его, перед очередной войной в рождение пришли все, кто имел возможность и право влиять на судьбы мира. Отдав свои силы на противодействие магическим структурам Аненербе, практически все Рыцари Ордена погибли. А те, кто выжил, дали обещание найти и обучить вновь рожденных Воинов Света, но сделать это они могли только с ведома правительства, поскольку для обывателей магия уже давно была официально запрещена. Условия, поставленные тогда перед Рыцарями Ордена, были хуже пыток средневековья. С того момента каждый человек, обладавший сверхъестественными способностями, являлся собственностью государства, обучение таких людей было строго регламентировано, а сами они были обязаны работать на правительство. Иначе – смерть.

Ваша безызвестность – залог вашей жизни.

Поднявшись по ступеням деревянной резной стремянки, я стаскиваю с полки пачку прошитых листов и несу ее к столу. Открываю на последней странице и, в ожидании пока уляжется пыль, ловлю прыгающие в неровном свете керосиновой лампы буквы.

«Диктовки. Октябрь 56. Аз есмь Архангел Михаэль. Я пришел к вам сегодня, чтобы обрадовать, но и огорчить вас». Далее каллиграфический почерк переходит в быструю, но уверенную стенограмму: «Надежда есть. Не сейчас, но в ближайшую декаду родится человек, способный быть на грани миров всегда. Родится тот, кто способен вслед за собой провести по лезвию ножа ваш мир над пропастью, тем самым сохранив его. Он возродит Школу и Орден, приведя за собой и дав жизнь Рыцарям и Воинам Света, чьи силы и знания, потерянные и забытые, будут подняты им из глубин небытия и брошены в сражение во имя Света и Творца. Ибо, как гласит пророчество, этот Мир обретет надежду, когда мертвые встанут на защиту живых. Грядет буря, большая, чем та, что осталась за плечами. Расправьте свои крылья и начните поиски, смирившись с временными неудобствами, ибо цель стоит того. Найдите Предназначенного и вы дадите этому Миру шанс. Теперь о грустном. Это наша последняя встреча. Мы вынуждены отстраниться, но будем непрестанно наблюдать за вами и вернемся, когда это будет нужно, и возможно. Ищите и обучайте. Дайте своим потомкам надежду на будущее, как это делали ваши предки в темные времена. Прощайте.»

Октябрь 56-ого года... Самое позднее упоминание о Рыцарях Ордена. Вероятно, более свежие записи хранятся в библиотеках спецслужб, но к счастью, я там не был. Хотя, о чем это я? Записи с самыми поздними упоминаниями о них вы держите сейчас в своих руках!

Перелистывая страницы старых книг и вчитываясь в расплывающиеся под гнетом времени чернила слов, вы окунаетесь в события прошлого. Отрешившись от шума мегаполиса за окном, вы с упоением впитываете в себя истории о странниках и магах, о драконах и ведьмах, в тайне надеясь, или даже зная наверняка, что они более чем реальны. А теперь представьте, каково это, будучи свидетелем волшебства и магии в современном мире небоскребов и авто-страд, сделать обратное, – передать на бумаге то, что происходит на самом деле, не прослав при этом сумасшедшим. Звучит рискованно, но я буду стараться.

Обмакнув перо в чернила и стараясь удержать дрожь в руках, я вывожу на бархатистой нетронутой поверхности страницы первую строку. Отпустив руку, я позволяю ей рисовать символы и знаки, и будто бы со стороны наблюдаю за грациозными и быстрыми движениями пера, которое огненным клинком рассекает волокна бумаги, оставляя за собой обугленные тлеющие края, что, разверзаясь в бездну, открывают проходы в пространства между мирами. Воздух дрожит и тает, гравитация возрастает до предела, вдавливая меня в кресло и приколачивая руки к столу. Огонь в камине шипит и злится, и вдруг яростно вспыхивает, обдав меня гулом и жаром ставшего зеленоватым пламени. Сквозь дребезжание стекол в створках книжных шкафов и наслоения параллельных пространств я успеваю краем глаза заметить, как мой испуганный кот, запрыгнув на каминную полку, опрокидывает хрустальную вазу, и та, нерешительно помедлив на краю, соскальзывает вниз...

Вспышка света.

Два солнца нежно согревают молодую планету, над океаном которой в воздухе парят лесистые острова, кажущиеся невесомыми из-за особенностей местной гравитации. На одном из них прямо сейчас свершается таинство – церемония венчания. Она стройна и прекрасна, Он – величественен и благороден, и ничто не в силах помешать их любви. Сливаясь губами в нежном поцелуе, они зарождают новую жизнь своей вселенной. Солнца разгораются ярче и с почтением расходятся в стороны, дабы сохранить баланс и не опалить своим жаром перья на эфирных крыльях влюбленных. Он шепчет ей в ушко: «Что бы ни случилось, я всегда буду рядом. Я буду верен тебе всегда. Клянусь!» И его возлюбленная одаряет его нежным взглядом. Они не знают, что на их новорожденный мир кто-то уже точит зуб...

Вспышка.

Молнии и гром. Шум ветра в ушах. Далекий прибой внизу истошно воет: «...тебе нет прощения... ты всё разрушил... предатель». Я, что есть сил, кричу против ветра, но он остав-

ляет лишь хрип: «Я дал клятву, что всегда буду рядом, и я сдержу свое слово! Даже если я убил тебя! Я иду за тобой!» Мгновение полета. Глухой удар о камни. Солёные волны вспенили кровь.

Еще вспышка. И темнота... теперь только темнота...

– Где я?

– Ты в Хранилище.

– Давно?

– Все относительно.

– Я не чувствую своих ног! Я ранен?

– Ног!? Ха-ха! А что ты скажешь про руки? Очнись, дружище, ты мертв! Тебя привели сюда еще в начале прошлого планетарного цикла, и ты был невменяем. Всё орал о том, что всех порубишь на куски, и грозился добратся до Него самого, предварительно разделавшись со своими Кураторами, если тебя сейчас же не отпустят! Тебя еле уговорили, вколов лошадиную дозу снотворного.

– Я умер?..

– Ну, наконец-то ты стал мыслить логически! А то поначалу ты так буянил, что тебя поставили в самый конец очереди на рождение. Вот, кстати, и твой номерок. Просили передать, когда ты придешь в сознание...

Незнакомец сделал плавное движение в мою сторону, и в меня впечаталась светящаяся надпись с моими инициалами и номером. Странный номер. Таких я еще не видел. А вот парень (полагаю, что это парень) был мне смутно знаком... Где-то я его уже встречал. Вот только где?

– Знаешь, что странно? – подал голос мой сосед с другой стороны. – Его поставили аж за Левиафанами, Тифонами и Сциллой! Мало того, что очередь до них вообще никогда не доходит, так еще, судя по его номеру, если и придет его черед, то дело его сначала отправят на предварительное рассмотрение. А там – пройти все инстанции, чтобы тебе дали тело, практически нереально!

– Что же ты такого натворил? – вздохнул сосед сверху и, если бы у нас были тела, то обязательно покачал бы головой.

Тут я решил осмотреться и содрогнулся от увиденного: во все стороны, даже вверх и вниз, насколько хватало воображения, простирались стеллажи с капсулами, в которых хранились – иначе не скажешь – такие же души, как я и мои соседи. Я прислонился к тонкой пленке, отделявшей мою капсулу от внешнего пространства, и был отброшен назад мощным электрическим разрядом.

– Даже не пытайся! Только быстрее с ума сойдешь.

– Да я только посмотреть хотел!

– И этого они тоже не любят.

– Кто – они?

– Стражи.

– Ну, офигеть теперь! Здесь еще и стражи есть!?

– Если ты не в курсе, то ты в тюрьме, вообще-то. Причем, судя опять же по твоему номеру, ты здесь как особо опасный записан.

– Здесь какая-то ошибка! Мне нужно быть рядом с ней! Я должен идти! Мне нужно поговорить с начальником! Эй! Стражи! Мать Вашу! Кто здесь главный!?

Разряд электричества. Стенки капсулы заискрили и помутнели, став темными, как августовская ночь.

Да! Я еще помню, что такое Август.

Август. Какое вкусное слово! Так хочется снова произнести его вслух, а не просто подумывать. Хочется снова ощутить прикосновение ласковых и нежных рук на волосах, когда любимая вынимает из них травинки после страстной ночи, проведенной на сеновале. Я почти вспомнил, как тогда было хорошо! Помню, как я провожал ее в опочивальню, как мы шли по брусчатке замковых улиц, прижимаясь друг к другу и закрываясь капюшонами, чтобы нас не узнали. Я с ужасом вспоминаю лицо ее отца, когда тот выяснил, что эту ночь его любимая дочь провела не только за пределами монастыря, но и в крепких мужских руках. Всё! Хватит! Стоп! Я не хочу больше! Прекратите! Но стены капсулы неумолимо продолжают показывать события прошлого, повторяя их с точностью до мельчайших деталей, прямо как в жизни, за исключением одного маленького нюанса: сейчас уже ничего нельзя изменить. И раз за разом просматривая на стенках капсулы этот эпизод одной из моих жизней, ту злополучную ночь, я взрываюсь от ярости и ненависти к самому себе. Как бы я хотел набраться тогда терпения и дождаться законного венчания! Ведь мы были предназначены друг для друга! Но почему меня не предупредили, что это настолько важно? Венчание? Ритуал? Посвящение в Хранители? Или мне говорили, но я не слушал? Не хотел слушать? После бесконечных просмотров, приступы гнева становятся всё глуше и короче, боль уходит, и я уже спокойно и даже отрешенно досматриваю до конца, ведь сейчас уже нельзя изменить. Ничего. Изменить. Нельзя.

Вижу, как ее отец – Магистр Ордена – в исступлении рвет волосы на своей голове. Вижу, как она, заплаканная, просит о пощаде для нас обоих, но у него нет выбора, – он должен ее убить, чтобы она не досталась разъяренной толпе под окнами.

Вижу, как рыдаю на их могилах и царапаю переломанными пальцами холодный камень. Пытаюсь шептать выбитой летевшими в меня камнями челюстью, что люблю ее и когда-то давно, наверное, еще в другом мире, обещал ей, что всегда буду рядом. Не могу сказать, что нарушил обещание, но она погибла по моей вине.

Она должна была стать следующим Магистром и, возглавив Армии Воинов Света, освободить планету от мрака. Но я разрушил всё. Я – причина разгулявшегося террора Инквизиции. Прошу любить и жаловать! Хорошо еще, что сама планета уцелела, а не было как в прошлые разы – с Атлантидой, Гипербореей и Цивилизацией Майя! Да-да, там я тоже приложил руку...

Теперь понятно, почему я здесь. Четыре раза чуть ни уничтожил планету! Шутка ли!? Не специально, конечно, но кого это волнует? И это речь только про Землю. Остальные провальные Апокалипсисы мне уже не припоминают из-за срока давности... Действительно: особо опасный преступник рецидивист...

Сколько раз прокрутили передо мной все эти сцены, я не помню... может тысячи, может сотни тысяч раз или больше... Знаю лишь, что с каждым мгновением во мне росло неудержимое желание вернуться на Землю, прийти в рождение и быть рядом с той, кому поклялся когда-то в вечной верности, но предал тем, что слишком рьяно следовал своим клятвам. Только там, в рождении, я смогу изменить и исправить то, что натворил. На Земле все можно исправить! Я хочу родиться! Я стал одержим этой мыслью. Я хотел обратно на Землю, любыми способами, правдами и неправдами. Я Хочу Родиться! В плотном мире летели годы и десятилетия, а я жил только одной единственной идеей: Я! Хочу! Родиться!

– Эй, ты! – Страж прервал поток моих терзаний. – К тебе посетитель.

– Ну, здравствуй! – Ласковый, вкрадчивый голос, казалось, сотряс всё пространство моей тюрьмы.

Даже сквозь пленку капсулы я был ослеплен ее сияющими одеяниями и лучезарной улыбкой. Да, я не мог видеть ее глаз, но я узнал ее сразу же. Как обычно узнаешь свое отражение. Я помню ее, как самого себя.

– Что тебе нужно, Аксайя?

– О! Ты, как всегда, вежлив! Между прочим, я внесла за тебя залог и в очередной раз поручилась, что впредь ты будешь примерным Хранителем. Пойдем! Нужно привести тебя в порядок!

– Вот что меня удивляет и радует одновременно, так это то, что ты всегда меня находишь, как бы глубоко меня ни засунули! – ухмыльнулся я, недоверчиво проходя через стену Хранилища, ранее грозившую мне быть поджаренным.

– Мне может понадобится твоя помощь. – Сухо отрезала Аксайя, немного нахмурившись.

Мы молча шли по гулким тоннелям и переходам, лишь изредка обмениваясь взглядами. Впрочем, в ее глазах было, как обычно, больше загадок, чем ответов.

– Ты знаешь, что ты был в самом конце очереди? – вдруг спросила она. – Если бы тебя и отправили в рождение, то только лет через семьсот, и не в самое приятное место. И, мягко говоря, не в самое здоровое тело.

– Как показывает опыт, меня, до того, как родиться окончательно, еще раз двадцать прокатали бы через аборт, десяток – через неудачные роды с летальным исходом, и еще пару раз, ну так, вдогонку, чтоб прочувствовать всю значимость момента – через внезапную младенческую смерть...

– Абсолютно верно... вот последнее нас как раз и интересует...

– Что ты хочешь этим сказать? Ты вновь решила вернуться к старому доброму убийству невинных младенцев? – усмехнулся я. – О! Да мы как раз в родильной палате!

– Оставь свои шуточки! Ты хочешь жить, или нет? На ближайшее тысячелетие нормального тела для тебя в смете все равно не числится. Все те, что могли бы быть свободны на данный момент – зарезервированы. Ну а те, что сдаются по дешевке в аренду – в них уже не по одному подселенцу. Тебе это надо? Да и незаконно это, ты же знаешь.

– Ну, а в роддом-то мы зачем пришли? Ведь, чтобы родиться, нужно идти через Гауф...

– Да-да... регистрация, справки, виза, путевой лист... Грядет Апокалипсис! У меня нет времени ждать! – раздраженно рявкнула Аксайя.

– Что!? Опять?

– Забудь! Смотри. Эта женищина должна вот-вот родить. У нее будет мальчик. В него готовится войти один из твоих соседей по Хранилищу, но в его путевом листе написано, что он должен умереть через полчаса после родов. У женищины же, судя по Книге ее Жизни, есть некоторая вариативность событий: кармический рисунок ее воплощений таков, что она может родить, как мертвого ребенка, так и здорового малыша. Этой лазейкой ты и воспользуешься, оставшись при этом в рамках Закона!

– Допустим. Что от меня требуется?

– Как только сердце мальчика остановится, ты подхватишь его Серебряную Нить Жизни, как свою собственную, и восстановишь пульс. Ты же Хранитель! Что, мне и этому тебя учить нужно?! Вот и всё. Тело по праву будет твоим! Живи, учись и развивайся! Ты найдешь меня, когда настанет время.

– Время...? – не успел я закончить вопрос, как остался один на один со своим новым потенциальным телом.

«Хм, такой маленький и неуклюжий. – Я невольно поморщился. – Это же еще лет семнадцать расти до хоть какой бы то ни было ловкости и способности постоять за себя! Ну, уж нет! Лучше свалить прямо сейчас, найти взрослого мужика и, подкравившись во сне, оглу-

иить... а если он болен чем? Нет такого добра мне не надо... Но при виде младенца, меня снова передернуло. Определенно надо валить!»

– Да, кстати! Забыла сказать! – ее голос снова зазвучал в пространстве, как гром среди ясного неба. – Чтобы быть Хранителем в воплощении, тело тоже должно быть к этому готово. А другие варианты, насколько я знаю, тебя не устраивают. Так что, я бы не рекомендовала тебе сейчас заниматься самодеятельностью.

– Ну что, мамочка! Как поживает наш мальши? Какой здоровенький пухлячок! У-тю-тю! А взгляд-то какой осмысленный! Ой, а что это он на меня так смотрит? Аж мурашки по спине пробежали! А я что зашла-то? Ах да! Так мальшика-то вашего проведать! А то анализы из лаборатории сейчас пришли, как бы вам сказать... неправильные какие-то анализы. Ну да ладно! Попутали они там, наверное, что-то... А как сыночка-то назовете?

– Алёша...

Звон разлетающегося по полу хрусталя возвращает меня к жизни. Все еще немного шумит в ушах, но я уже слышу, как маятник настенных часов ускоряет свой ход, постепенно восстанавливая общепринятый в этой реальности шаг секундной стрелки. Не привыкший к таким путешествиям кот шипит и жметесь поближе к стенам, видимо не узнав меня.

Значит, Алёша... Знаю я одного Алексея...

Глава 2. Армия собирается

– ...делаете неглубокий вдох и задерживаете воздух, – голос Наставника разлетелся по залу вместе с мерным стуком метронома, – старайтесь постепенно, раз за разом, свести глубину дыхания к минимуму. Так вы научитесь дышать только верхними дыхательными путями, что сыграет вам на руку, если в бою вам пробьют легкие. Однако, все же основная ваша задача на сегодня – кожное дыхание: облегчает выведение токсинов при отравлении большинством известных ядов и увеличивает ваш личный энергопоток. Теперь медленно выдыхаем... Чувствуете, как приподнимаются волоски под воздействием выходящего из пор воздуха при выдохе через кожу? Отлично! Повторили последнее упражнение и начали заново!

Вот уже девять долгих минут десятилетняя девочка никого не видела и не слышала: ни Наставника, ни сидевших рядом таких же, как она, детей. Даже настойчивый звук метронома, казалось, медленно уплывал куда-то вдаль. Перед ее внутренним взором проносились неясные картины далекого прошлого, люди с мечами, в плащах и доспехах. Постепенно туман рассеялся, и изображение стало совершенно четким.

Перед ней бесшумно распахнулись огромные крепостные ворота, и она, зайдя внутрь, уверенно направилась к следующим, непринужденно побрякивая блестящими на солнце наручами и перекинутым через плечо поясом с набором новых метательных ножей, ни разу еще не вкусивших чьей-либо крови. На стройных ногах красовались кожаные ботфорты до середины бедра с металлическими набойками на мысках и пятках, и легкие кожаные штаны. Дополняли всю картину белоснежная рубаша, сливавшаяся с цветом ее слегка растрепанных волос, и огненные крылья, трепещущие золотистым отблеском за ее спиной. Стражи всех Врат давно знают ее в лицо и даже немного побаиваются, не скрывая этого, но... регламент, отчетность, процедура идентификации и верификация данных... в каждом новом рождении мы обязаны заново подтвердить свои Права. Да, постоянного пропуска сюда в этой жизни ей пока еще не оформили, так что приходится мириться... И так на всех тринадцати Вратах. И на входе в Библиотеку, и в Архив, и в читальный зал! Кто все это придумал? Будь он неладен! Наконец, добравшись до Смотрителя Архива, она с неподдельной усталостью в голосе выпалила:

– Мне нужны личные дела всех, кто принимал участие в ключевых моментах истории Земли. Всех, кто был свидетелем падений великих Империй и узрел закат Первой, Второй, Третьей и Четвертой Рас. Так же мне понадобятся имена тех, кто когда-либо предавал свой Путь и меня лично, осознанно и подсознательно, скрыто и явно, косвенно и напрямую, на протяжении всей истории Вселенной. Ах да! Эти мне нужны отдельно и максимально подробно. – Она протянула Смотрителю вынутый из-за пазухи небольшой свиток.

– А вот их дела как раз вчера определили на растопку, – мельком взглянув на список, Смотритель кивнул головой в сторону камина. – Поговаривают, они безнадежны и уже направлены в Распыл!

– Именно поэтому они мне и нужны! Выполняй! – раздраженно сказала она, дотянувшись через стойку к самому его уху.

Она направилась в центр главного зала Библиотеки сквозь вихрь урагана, что зародился, как только Смотритель приступил к исполнению ее запроса. Неуловимые потоки энергий раскручивались всё быстрее и быстрее, становясь все плотнее и насыщеннее. Они выхватывали с книжных полок нужные ей папки и свитки, складывая их в ровные стопки на массивном дубовом столе в центре зала. Ловким движением она выхватила из потока заинтересовавшую ее Книгу чьей-то Жизни и, вскользь пролистав на ходу, вновь отпустила в головокружительный полет. Всё стихло в мгновение ока, как только она, расположившись поудобнее в уют-

ном кресле, выполненном в колониальном стиле, коснулась стола. Отдельной папкой на нем лежали дела тех, кто чаще остальных спасал ее жизнь, но, порой, и причинял боль нестерпимее, чем кто-либо.

Сотни тысяч жизней и судеб на одном столе, как на ладони.

– Так, кто тут у нас? – заинтересовалась она вслух. – Участники восстания Желтых Повязок 204-го года в Китае... Помню, как меня тогда предал один из генералов, подкупив придворных. Подмешали мне какую-то дрянь! Видимо, с тех пор я и ненавижу яды...

Прикасаясь взглядом к каждой стопке бумаг, она видела перед своим внутренним взором все события, до мельчайших подробностей, что связывали эти души с ней самой прочной связью, что когда-либо существовала в природе – связью Кармической. Они все были соединены друг с другом непоколебимым Законом Причины и Следствия, который, помимо прочего, гласит, что «неверно принятое единожды решение обязует участника ситуации проходить соответствующий урок в последующих рождениях до тех пор, пока тот не будет усвоен полностью и совершенно».

– Ну, что же, вы предали меня тогда – надеюсь, в этот раз вы сдержите свои обеты... – прошептала она, будто обращаясь к безмолвным бумагам на столе.

Перед ней пролетали яркие картины воспоминаний прошлого, навеянные просмотренными документами. Культ Солнцеклонников времен расцвета Гипербореи и предательство жрецов, посчитавших, что они знают Истину лучше, чем посланники Творца. Они сообщили обывателям, что «то существо с огненными крыльями», которому они поклонялись на протяжении тысяч лет, и которое за умеренную плату в виде пары корзин цветов, фруктов, овощей и молока обеспечивало их всем необходимым для счастливой жизни, не существует! Оно всего лишь выдумка! Миф! Они решили, что лучше поклоняться богам завоевателей, принося им в кровавые жертвы невинных юношей и дев. Лучшие держат все население в страхе, подчинив их своей власти. Они обрушили ее Дольмен, уничтожив ее тело. Последствием такого предательства было то, что равновесие сил на планете было безвозвратно утрачено, сместилась ось вращения Земли, и одна из наиболее развитых цивилизаций в истории канула в Лету, исчезнув под натиском сдвинувшихся ледников.

Пески аравийских пустынь и крах Шумерской цивилизации... Плодородные почвы южноамериканских джунглей и золотые города, утопленные в Майянской крови пришельцами на кораблях с востока... Кровь Иисуса, расплескавшаяся до последней капли из разбитого Священного Грааля, и, как следствие, разгул «священной инквизиции», стерший с лица Земли последних, кто тогда еще пытался бороться за Свет... Ожесточенная борьба сторонников техногенной ветви развития против приверженцев эволюционного роста энергетических способностей человека, поглотившая целый континент и переросшая в ядерную зиму по всей планете... Шедшие по головам тираны и диктаторы, поглощавшие по своей прихоти целые звездные системы и галактики, желая обогатиться за чужой счет... Бесконечное противостояние инопланетным экспансиям...

Вот и сейчас ее призвали в рождение, чтобы снова сохранить Землю и уберечь человечество от исчезновения. Она – Предназначенная, и этим всё сказано. Ее предупредили только, что будет, как обычно, нелегко, и добавили, что на Земле ее найдут свои и помогут все вспомнить. Вот и весь инструктаж! А пока ей нужно собрать свою Армию.

– Да, знакомые всё лица, – с грустью усмехнулась она. – Ну, что же, теперь – в Совет. А то меня уже заждались.

Она провела рукой по воздуху, очертив вокруг себя полукруг. Стены Архива расступились, растаяв в пространстве, как утренний туман на солнце, и на месте книжных шкафов, уходивших под потолок, проявились ступени амфитеатра, разделенного на секторы. От арены, на которой вдруг из ниоткуда материализовался внушительных размеров пись-

менный стол с кипами бумаг, во все стороны расходились вверх ряды сидений с многоликой аудиторией представителей иерархических структур всевозможных миров, вселенных, пространств, подпространств и бесчисленных измерений. Все они интересовались дальнейшей судьбой небольшой планеты под названием Земля и на протяжении уже очень долгого времени следили за происходящими на ней событиями.

– Я вновь приветствую Вселенский Совет Иерархий! – ее звучный голос долетел до самых отдаленных рядов. – В ответ на Ваш вопрос, озвученный на прошлом заседании, отвечаю: для прохождения очередной точки Апокалипсиса и проведения работ по сохранению человеческой цивилизации с бескризисным ее переходом из Пятой Расы в Шестую, а также для проведения сопутствующих работ я выбираю эти кандидатуры. – Ее ладонь плавно опустилась на отполированную до зеркального блеска крышку стола рядом со стопками бумаг.

– Вы уверены? – чей-то смущенный голос донесся из сектора представителей Совета Магов, а по амфитеатру пробежал и замер гул изумленных голосов.

– Мы настоятельно рекомендуем Вам одуматься и выбрать себе в помощь более подготовленных и сильных воинов! – поднялись со своих мест Старейшины. – Сущности, о рождении которых Вы сейчас ходатайствуете, судя по нашим записям, буквально покидали поле боя в самый неподходящий момент, в ключевые моменты сражений!

– Нельзя доверять такие ответственные поручения, как сохранение Планеты, сущностям столь непостоянным и способным предать! – донеслось со стороны Совета Инквизиторов.

– Поддерживаю! Им нельзя верить! – не удержался кто-то, в эмоциональном всплеске срываясь на крик.

– Возьмите лучшие моих берсерков! Выносливые, сильные существа! Не задают лишних вопросов и не замораживаются борьбой за идею. Кормить вовремя и не давать просиживать без дела – вот и весь секрет! И ни у кого не будет армии, способной сравниться с ними по силе и отсутствию лишних мыслей в голове! – предложил какой-то лоснящийся ящер, видимо из Рептилоидов.

– Протестую! – раздалось со стороны Срединников. – Земля – свободная планета, и ее судьба должна решаться, исходя из волеизъявления всех ее жителей. Поэтому создавать армию из существ, способных только есть, драться и размножаться, как минимум, неразумно!

– Ну, это мы еще посмотрим! – прошипел в ответ Рептилоид.

– Соблюдать тишину! – прервали разгоравшийся спор Старейшины. – Может, вы все-таки дадите хоть слово сказать человеку?

– Человеческий разум подобен вирусу, и это давно известно, – задумчиво отметил представитель Совета Архангелов. – Те, кто когда-то родился в человеческом теле, отчасти утратили логичность и ясность мыслей, и причины их поступков нам, мягко говоря, непонятны. Но всё же, хочется верить, что наша избранница, на которую возлагаются большие надежды, сможет объяснить нам в доступной форме, почему ее выбор пал именно на эти души. Прошу Вас!

– Я бы не стала утверждать, что я человек. – Уголок ее рта подернулся в саркастической усмешке, обнажив на долю секунды кончик белоснежного клыка. – Если вы внимательно изучали Историю, вы помните один из самых первых Апокалипсисов, когда Земля должна была погибнуть в пекле Араксиса – голубого гиганта, решившего подчинить своей власти сначала близлежащие галактики, а затем и половину вселенной. Тогда я спасла эту планету, изменив траекторию движения своей и откинув Землю далеко за пределы гравитационного поля звезды. Вы должны помнить и окутавший Вас всех ужас, когда после столкновения моей планеты Тейя с Землей, мы в облаке пепла и гари кубарем летели через миры и галактики на другой край вселенной, ища надежду на спасение. И мне до сих пор интересно, чего вы боя-

лись большие? Того что погибнет Земля, или того, что мы заодно разнесем в клочья все ваши миры? Но мы выжили, умудрившись увернуться даже от скопления Черных Дыр в 29-ом секторе. И что самое главное: каким-то чудом выжило человечество! Но что вы тогда сказали? Вы рассудили, что я нарушила Закон! Население Земли, видите ли, хотело сдохнуть! А я им помешала! Я предала Творца, нарушив Волю Человека, и уничтожила собственную планету, предав себя. Я очень хорошо помню свое предательство, и эта память позволяет мне не совершать более подобных ошибок.

– То есть, Вы полагаете, что выбранные вами души вспомнят о своих ошибках прошлого и не совершат их снова?

– Единственное, что я знаю точно, так это то, что предлагаемые Вами кандидатуры идеальных, выносливых, сильных и бесстрашных воинов, ни разу не рождавшихся на Земле, попав в условия Свободы Воли и Выбора, определенно совершат все, что только можно совершить. Ошибутся везде, где только можно ошибиться. Предадут при самых непредвиденных обстоятельствах и наступят, как говорят на Земле, на все грабли. А провокаций в этот раз будет много! Ведь так? – она многозначительно покосилась в сторону хранивших молчание Темных. – В то время как у отобранных мной кандидатов все же есть шанс не оступиться.

– Прошу принять во внимание тот факт, что Сосуд Кармы большинства этих сущностей переполнен, и они уже не имеют права на рождение. Рассматривается вопрос об их распаде на элементарные частицы и использования их, как строительного материала для новых структур. Они практически уже мертвы! Истинная Смерть – окончательная и бесповоротная!

– А не Ваши ли Пророки, уважаемый Гавриил, говорили о том, что, я цитирую: «когда мертвые встанут на защиту живых, Земля обретет надежду»? Не об этих ли временах они пророчат вот уже лет пятьсот? То-то же!

– А вы не думали, как поведут себя преступники, выпущенные на волю? Им же, по сути, нечего терять! – возмутились в Совете Светлых.

– Мир жесток, но справедлив. – Вступились за нее в Совете Вознесенных Учителей. – Будьте реалистами! В жизни она встретит далеко не всех, кого сейчас хочет призвать в рождение. Кто-то решит сдаться, как только родится, и, отказавшись принимать предложенные условия, вернется обратно. Кто-то струсит и не захочет брать на себя ответственность за судьбу планеты и будет тихо вести свое домашнее хозяйство. Ну, как сможет, так и будет... А кто-то испугается, как только при встрече с Предназначенной соприкоснется с тонкой гранью, отделяющей его иллюзорный мир материи от Истинной Реальности. И лишь немногие осознают все возложенные на них надежды. Не забывайте, что тело взрослеет довольно долго, и большинство людей за это время забывает, зачем они родились! В любом случае, они получают тела только после полного ознакомления с Условиями и задачами рождения, а возможность кардинально влиять на судьбы Мира – и то, только после подписания письменного заявления и подтверждения своего согласия уже на физическом плане. Мы можем порекомендовать тебе, брать таких нашедших тебя новобранцев под свою личную ответственность, как это делали все Учителя, начиная с Мастера Иисуса. Мы настаиваем.

– Принимается! – одобрили Старейшины. – Кто против, выскажитесь сейчас!

«Что же, обратного пути нет», – вздохнула она и внимательно осмотрела весь зал. Угольно-черные и кроваво-красные, серебристые и белоснежные капюшоны, почти полностью закрывавшие лица. Кованые оголовья и наручи, сжатые в кулаки когтистые лапы и не моргающие глаза с вертикальными зрачками. Радужные туники и тяжелые доспехи рыцарей. Крылья всех мастей: кожистые, огненные, воздушные, покрытые металлической чешуей и перьями всех цветов и размеров. Некоторые существа проявлялись лишь в виде светящихся или наоборот поглощающих свет энергетических сгустков и лучей, спускавшихся откуда-то сверху и исчезающих из вида где-то внизу. Мантискоры, Сфинксы, Валькирии, Мета-

морфы, Ангелы и Демоны... У неискушенного наблюдателя наверняка закружилась бы голова от увиденного, но на заседания Совета Иерархий уровня Вселенной редко допускают новичков. Только в исключительных случаях и тогда все вынуждены вести себя поскромнее, чтобы тот не потерял сознания от страха.

Все замерли в ожидании окончательного решения и будто не могли задать какой-то очень важный, но ускользавший от их внимания вопрос. Она умеет отвести глаза и мысли. Дело в том, что и на менее сложные задания никого никогда не отправляли в одиночку, а тут у всех будто память отшибло...

– Ну, раз мы всё обсудили, я, с вашего позволения, начну. – Пробурчала она себе под нос и, повысив голос, продолжила. – Я, Тейя Аксайя, действуя во имя Творца и Света, для возрождения Ордена и Учения отправляю в рождение все души, указанные в делах, предоставленных на рассмотрение Совету Иерархий! Прошу представителей соответствующих инстанций обеспечить их доставку в целости и сохранности до согласованного ранее места назначения.

Привычное движение рук, и листок за листком стопки бумаг стали исчезать, распределяясь по своим Кураторам. Схватив ту самую особую папку, она едва успела спрыгнуть с растворившегося в воздухе стола, на который присела, наблюдая за перебранкой в Совете.

– А вы подумали о собственной безопасности? – Произнес вкрадчивый голос прямо над ее ухом. Аксайя аж подпрыгнула от неожиданности, не увидев никого рядом. И только блик ее собственного отражения на мгновение выдал зеркальные доспехи представителя Совета Хранителей.

– Да-а... – протянула она, опешив от собственной невнимательности. – Хочу довести до сведения Совета, что раз уж вы наверняка откажетесь посылать меня в рождение без охраны, я подобрала список Хранителей, которых я, возможно, хотела бы видеть за своей спиной. Их я проведу в рождение сама. Благодарю и прощаюсь! – сделав шаг назад с небольшим поклоном в сторону Старейшин, она поскорее исчезла, пока они не решили увеличить круг ее и без того обширных обязанностей.

– Какая дерзость! – возмутились Светлые.

– Ничего... вводных данных пока достаточно, а дополнительные сведения мы передадим ей по ходу развития событий. Видя всю картину целиком, она могла и не согласиться. – Успокоили их Архангелы.

– Она? И не согласится? Она давно могла бы сидеть здесь среди нас и, наблюдая со стороны за жизнью планеты, изредка давать советы и напутствия через посредников – медиумов! Но Тейя не может остаться в стороне, когда беда грозит самому дорогому и любимому детищу Творца, невообразимой красоты творению, превосходящему по своему значению любые другие миры, вселенные и планеты. Поэтому из раза в раз она идет в бой, рождаясь на Земле, ибо только рожденный может всё изменить. Это ее Право. Ее воля. Ее выбор. Она не может иначе. – Поставил точку в заседании Совет Вознесенных Учителей.

Выйдя из здания Библиотеки, Аксайя оказалась на вымощенной перламутровыми булыжниками улице, залитой ровным светом золотистого неба. Через дорогу располагалось здание Суда, в котором только что проходило заседание Совета Иерархий, а вдоль по улице

простиралась череда административных зданий, в которых сейчас уже начинали оформляться все необходимые документы для рождения новобранцев.

– Интересно, долго они еще там будут препираться?

Ей дали три дня на подготовку. Первый уже подходил к концу, а сделать нужно было еще очень и очень много. И главное на данный момент – собраться с мыслями. Поэтому она, свернув в тенистый переулок, шла в поисках какого-нибудь кафе, где можно было бы присесть и, удобно устроившись за чашечкой чего-нибудь тонизирующего, спокойно всё обдумать. Заказав кружку шоколадного кофе, сваренного на заварке черного чая, Тейя села в просторное плетеное кресло на открытой веранде с видом на башни старого города, возвышавшихся в просвете небольшого сквера между домами, и погрузилась в чтение взятых из Архива документов.

«Араксис. ...служил солдатом в войне за независимость Галактики Аййироона в конце Первой Эпохи... в ходе успешных операций по зачистке территорий от повстанцев дослужился до звания Генерала и, в конечном счете, был награжден Звездой своего имени за сохранение жизни на планетах звездных систем Гирон, Астей-эл, Криан и Делгор... в качестве поощрения, во владение Араксису были переданы перспективные с точки зрения развития разума, высших телесных и плазменных форм жизни планеты Карсфрах, Дазйрон и Антейира-С, а также несколько малых планет для калибровки... выступая на Совете после окончательного падения Империи Эхргэста в конце Второй Эпохи, заявил, что его заслуги недооценены и занижены, за что получил выговор от Старейшин с просьбой усмирить свою гордыню... было назначено наказание в виде временного отчуждения населенных планет его системы... в ходе разразившейся перепалки были убиты трое Демиургов, ранен один из Инквизиторов, остальные получили незначительные ожоги и повреждения... Араксис объявил Совету войну и скрылся... объявлен в розыск... Стражи, направленные в Систему Араксис, чтобы конвоировать его в галактическую тюрьму, с задания не вернулись... уничтожил все свои планеты, поглотив их, продолжая набирать массу и гравитацию, захватывая близлежащие пространства...»

– На самом деле все было несколько иначе... Но Историю пишет тот, кто ее пишет. Благодарю, у вас здесь очень уютно! – Тейя одарила улыбкой девушку, принесшую ей дымящуюся густым паром кружку, на что та смущенно улыбнулась в ответ.

«...как только ситуация обрела черты катастрофы вселенского масштаба, Советом была предпринята попытка уничтожить Араксиса, но она провалилась из-за его аномальной энергоемкости: все посланные заряды были полностью им поглощены. Под удар попали почти все значимые для эволюции объекты, молодые миры и экспериментальные планеты... стало известно, что одной из основных целей Араксиса является Земля, как одно из немногих пространств, которому покровительствует сам Создатель... представитель Творца на экстренном заседании Совета озвучил Его Высокое Решение: изолировать во времени и пространстве звезду и иные причастные к ней территории, и направить Араксиса на Землю для прохождения обучения и смирения гордыни... принятие любых последующих решений по этому делу возможно только после прохождения полного курса обучения... приговор окончательный, обжалованию не подлежит...»

– Да, все-таки против Творца не попрешь! – вздохнула Тейя. – И угораздило же меня вмешаться за мгновение до!.. Ведь знала же, что Он всё держит под контролем! Нет! Выпендриться решила! Сделать всё по-своему... Тоже гордыня... Занималась бы сейчас своей планетой, горя бы не знала... А чашки у них здесь большие, удобные...

– Тейя! Здравствуй! Давно не виделись! – чей-то запыхавшийся голос вывел ее из легкой задумчивости.

– Здравствуй, Гипперион. – Она подняла глаза на рослого бородатого мужчину, машинально закрыв бумаги рукавом. – Ты куда-то спешишь?

– Да, в Совет вызывают по какому-то срочному делу... Не знаешь, что у них там случилось?

– Не представляю! – съязвила Тейя, многозначительно поведя бровью. – Но думаю, ты сам все скоро выяснишь. Передавай привет!

– Ладно, вижу, ты занята... как-нибудь в другой раз посидим, поговорим... Да и нельзя мне опаздывать!

– Беги-беги... – задумчиво прошептала она вслед удалявшемуся по переулку силуэту. – Похоже, в Совете решили подстраховаться и посылают не только меня. Видимо будет что-то действительно очень серьезное. Главное, чтобы мы были на одной стороне... Продолжим...

«Тайрис. ...Демидург третьего класса, с отличием окончил Высшую Академию Трансмутационного Мастерства... участвовал в тайных операциях на Запретных Уровнях Мироздания... благодаря знаниям и высокому уровню подготовки возвращал всех своих подчиненных домой живыми... был представлен к награде за содействие в борьбе с проявлениями угроз безопасности Целостности Вселенной, за проявленное мастерство при проведении операций, результатом которых стала капитуляция Империи Эхргэста, в ходе которых скрывал наступление армий Совета, имитируя их активность в параллельных пространствах, награжден Туманностью своего имени и переведен в ранг Учителей... предпочитал уделять больше внимания подготовке мастеров специальных боевых подразделений для участия в возможных секретных операциях, несмотря на отсутствие явной необходимости, нежели развитию своих способностей как Демидурга, чем беспрестанно расстраивал Совет... вследствие многократных попыток Совета убедить его в необходимости эволюционной работы с Туманностью, им было совершено нижеследующее: полностью соединившись со своей Туманностью, Тайрис расформировал ее на нейтринно и внедрил в каждый атом доступной его сознанию вселенной, заполнив, таким образом, собой все уровни, находящиеся по своей иерархии ниже ступени Вознесенных Учителей, тем самым подменив Творца для всех, кто по своему уровню развития не был способен распознать подлог... существование Мироздания стало под угрозой...»

– Влип он после этого, наверное, по полной! – вздохнула Тейя, сделав еще один глоток обжигающего напитка. – Да, так и есть...

«... из-за особой тяжести преступления, для Тайрис была сразу же назначена высшая мера наказания – Распыл. Однако, поскольку для того, чтобы привести приговор в исполнение, осужденного нужно было сначала собрать воедино, решили, что для такого непокорного создания наилучшим наказанием будет неведомая ему прежде свобода – Свобода Выбора и Воли. Совместив необходимое с полезным, Тайрис распределили в Школу Демидургов – на Землю...»

– Кто же мог подумать, что вы все у меня такие талантливые!? – чуть не рассмеялась Тейя и продолжила чтение.

– Как думаешь, твоя дочь присоединится к тебе в этой битве? – придвинув стул за ее столик, к ней подсел человек в необычной для этих мест одежде: кроссовки, джинсы, легкий желтый свитер.

– Это пусть она сама решает. У нее же еще есть право решать? Ведь так, Гавриил?

– Боже, как официально! Это в Совете да на иконах я Гавриил, а ты можешь звать меня просто Локи. – Шутливо-заигрывающим тоном пропел молодой человек, улыбнувшись и отпив из ее кружки. – Кто здесь у тебя? Тайрис, Араксис, Грейн, Хастор... Подобрала уже кого-нибудь для Гексайи?

– Не твое дело! Она выберет сама! Я, в отличие от Вас, всегда даю выбор. – Придя в ярость от такой бесцеремонности, Тейя выхватила из его рук листы потрепанных архивных документов и раздраженно направилась к выходу. – Всего хорошего, Гавриил!

Она быстро шла по узкой улочке по направлению к площади, продумывая свои дальнейшие действия: «Нужно заглянуть в Гауф и уточнить предполагаемое место и время моего рождения, затем выяснить, где именно сейчас находятся души Хранителей, забрать их оттуда и, проведя каждого по Временной Спирали, отправить в рождение в нужное время и в нужное место... потом – домой, умыться, переодеться, собрать вещи и документы... Пора.»

Выйдя на площадь, Тейя Аксайя расправила свои огненные, переливающиеся оттенками радуг всех миров под внезапно начавшимся дождем, крылья. «Странно», – подумала она, – «здесь никогда раньше не было дождя...» Однако она явственно чувствовала на своем лице капли живительной влаги. «Дыши. Только не забывай дышать!» – звучали в ее голове непонятно к чему относившиеся слова. Она стряхнула с себя сумбурные мысли и, обдав жаром своих крыльев невольных свидетелей происходящего, взмахнула ими и взмыла ввысь, моментально превратившись в точку, а затем и вовсе скрывшись из вида.

– Дыши! Не забывай дышать! – твердил Наставник, периодически опрыскивая набранной в рот водой юное личико ученицы пятого класса и делая ей непрямой массаж сердца, заставляя его биться.

– Что случилось? В чем дело? – подбежали наставники из соседних аудиторий.

– Она просто перестала дышать! Хорошо, что заметили!

– Умыться! Вещи! В Гауф! – задыхаясь кашлем, простонала девочка.

– Что ты видела?! Что!? Где ты была!? – приподнимая ее голову за затылок, твердил Наставник. – Смотри на меня! Отвечай! Сейчас же! Что ты видела!?

Но она только молча качала головой, тяжело дыша и вглядываясь в его испуганные глаза, будто сама искала в них ответы на все эти вдруг свалившиеся на нее вопросы.

– Господи! Спасибо Тебе! Мы нашли ее!

Глава 3. Предназначенная

Босая и почти нагая, в тонком полупрозрачном саване, более похожем на кокон из плотной паутины, она шла по крышам вагонов поезда Вильнюс – Ленинград, аккуратно балансируя на скользких краях и переступая через воздухопроводы вентиляционных шахт. Холодный ветер трепал невесомые волосы, донося до нее горячий воздух от паровоза вперемешку с дымом, сажей и не успевавшими прогореть частицами угля, который помощник машиниста безостановочно закидывал в топку, ускоряя состав, чтобы как можно скорее прибыть в Даугавпилс, где их уже ждала машина скорой помощи. Минут десять назад в кабину ворвался проводник и, задыхаясь от бега, сообщил, что у одной из пассажирок, возможно, начинаются роды, и что ее муж их всех на куски порвет, если не будет сделано всего, что только возможно, чтобы ребенок родился целым и невредимым. И пока проводник, весь вымазанный в угольной пыли, пробирался по узким коридорам вагонов обратно к роженице, чтобы узнать, чем он еще может помочь, вокруг поезда происходили события, которые не то, чтобы сложно описать, в них очень сложно поверить, не увидев своими глазами.

Сгибая и ломая деревья, поднимая ураганный ветер и срывая с ветвей только начинавшую желтеть листву, по лесу вдоль железной дороги летели, шелестя черными крыльями, разношерстные демоны и падшие ангелы всех мастей и рангов, уничтожая и выжигая своим кислотным дыханием всё живое на своем пути. Вслед за поездом ползли, бежали, летели и ковыляли обглоданные и побитые жизнью умертвия и нежить рангом помладше. Они с завываниями и клекотом оборванных связок, с булькающими звуками давно прогнивших легких скользили вдоль рельсов, перепрыгивая по шпалам, цепляясь за ручки дверей своими костлявыми пальцами и наматываясь вязкой слизью на колеса вагонов. Она – их единственная цель, их жертва, и каждый из них, без исключения, был готов растерзать друг друга, чтобы добраться до нее первым. Кому-то было нужно ее тело, как физическая оболочка, а кто-то хотел завладеть всей силой и мощью ее души. Посреди этого хаоса и тьмы ярким белоснежным пятном выделялась она, Аксайя, безоружная и спокойно шедшая по крыше поезда к нужному ей вагону. Вплотную друг к другу, вдоль всего состава летели все те, кто ждал ее рождения – Архангелы и местные Божества, духи леса и элементали Стихий, Рыцари Ордена, погибшие и живущие. Даже ее собственные будущие родители, сами того не осознавая, были здесь, рядом с ней, закрывая ее своими крыльями и откидывая прочь всякого, кто посягал на их дитя. Внимательный наблюдатель, мог заметить, как тусклый свет вагонных окон выхватывал из ночной темноты картины драки; как каждый, кто высовывался из окружавшей поезд непроглядной тьмы, лишившись крыла или хвоста под острыми лезвиями архангельских мечей, без промедлений отправлялся туда, откуда пришел – в самые глубины того, что люди называют Адом.

Одному из них удалось прокрасться через приоткрытую дверь, и он уже полз, скрываемый темным густым туманом в полумраке спящего вагона к заветной двери, за которой молодой человек, окончивший курсы фельдшеров – единственный врач в поезде – с дрожащими руками готовился принимать первые в его жизни роды. Существо хотело заполучить тело еще до рождения, и, свисая над роженицей с верхней полки, тянуло свои склизкие кривые руки к ее животу, стараясь ухватиться за маленькие детские ножки.

Мощный луч фонаря разрезал мглу перед паровозом, прокладывая и расчищая путь, с шипением обжигая не успевших расступиться пред ним демонов. Но одному все же удалось увернуться, и он, исполнив фигуру высшего пилотажа, нырнул под днище паровоза, лишившись пучка длинных, черных, как смоль, перьев. Цепляясь когтистыми лапами за патрубки и шланги, вырывая их с корнем, он полз между колесами вагонов, обдирая о шпалы свои крылья и спину до костей. Но он знал: оно того стоит! Через мгновение он возник прямо перед Аксайей, и все в ужасе замерли, не решаясь что-либо предпринять. Да и что они могли сде-

лать? Он был так близко, что она чувствовала его дыхание на своем лице. Видела, как раздувались от возбуждения его ноздри, когда он втягивал в себя воздух, стараясь понять, та ли она, кто ему нужен; как бегали его черные глаза с кроваво-красными вертикальными зрачками, будто он сам еще не верил в свою удачу. Но было уже поздно. Аксайя сделала шаг навстречу и мгновенно растворилась в воздухе, пройдя сквозь крышу вагона вниз – в купе, где тотчас же столкнулась лицом к лицу с новым непредвиденным препятствием: нежить мертвой хваткой вцепилась в беззащитное детское тельце и, извиваясь, прилагала все усилия, чтобы привести его в негодность, изуродовать до несовместимости с жизнью.

Сломанные ногти на пальцах роженицы впились в кожаную обивку сиденья, и под стук колес и свист ураганного ветра, в нестерпимой боли крика матери, на руках фельдшера безжизненно повисло маленькое обмякшее тело младенца. В тщетных попытках заставить ребенка дышать, никто не замечал ту ожесточенную битву, что шла внутри. Она продолжалась несколько долгих секунд, но от нее зависело все. Жизнь и смерть. Один на один с нежितью, которой больше нечего было терять. Тощие пальцы, завладев ее ногами, тянулись дальше по позвоночнику, чтобы полностью забрать ее себе, и Аксайе стоило немалых усилий, чтобы откинуть прочь вцепившегося в нее непрошеного гостя. И только когда ей это удалось, весь вагон с облегчением наполнился первым криком новорожденного младенца.

Свершилось слияние души и тела, и теперь никто не мог претендовать ни на одну из этих составляющих человека. Умертвиям пришлось довольствоваться останками туловища слишком резвого крылатого демона, обезглавленного Архангелом Михаилом сразу же, как только Аксайя появилась на свет. Они вмиг растерзали его гигантскую тушу, растащив по канавам и лесным оврагам, не оставив ни следа, и только несколько километров просек с поваленными деревьями и выжженная трава вдоль полотна железной дороги напоминали о ночной погоне.

Мелкий бес был более удачлив: он успел-таки покалечить тело, и девочка родилась с серьезной травмой – вывихом тазобедренных суставов – которая вынудила ее пройти первый в своей жизни урок терпения – провести год в специальной распорке-бандеже, чтобы ее пока еще мягкие кости смогли укрепиться на своих местах. А терпения в этой жизни ей понадобится еще очень и очень много.

Пойдя в первый класс, Гайва – так родители называли девочку – стала понимать, что все остальные люди видят мир абсолютно иначе, – не так, как она. Никто из ее друзей не видел и даже не ощущал мерцающего разноцветного ореола ауры рядом с физическими телами плотного мира, и тем более не имели возможности общаться с представителями мира тонкого и иных пространств. Иногда, она могла мысленно ответить своему собеседнику на витавший вокруг него вопрос, а потом удивиться, почему тот не услышал ее ответа. Ей пришлось приспособливаться к жизни в мире, в котором у большинства людей по каким-то причинам атрофировалась большая часть органов восприятия окружающей реальности. Что и говорить, сейчас тоже рождаются дети, которые очень хорошо помнят свои прошлые воплощения, могут слышать и видеть существ из параллельных миров – так называемых «воображаемых друзей», но их родители практически всегда отбивают у них эти способности, утверждая, что такое невозможно. Некоторых особенно настойчивых отучают «видеть» медикаментозно. Но Гайве повезло. Во-первых, свое раннее детство она каждое лето проводила на хуторе своей тетушки –

старой ведуньи, которая кое-что смыслила в Истинной Магии и Законах Вселенной, а во-вторых, ее отец тоже был очень непростым человеком.

По задумке Совета Иерархий Аксайя должна была родиться еще в тридцатых годах прошлого века и, встретившись со своим Хранителем, сохранить Орден, предотвратить Вторую Мировую, сделать невозможной Холодную Войну со всеми ее последствиями и жертвами ядерных ударов по Японии... сохранить Мир на Планете. Но судьба разыграла свою карту иначе, и их пути разминулись в отчаянной близости друг от друга: поезд, в котором его с братьями, родителями и другими репрессированными везли в Сибирь, неспешно катился мимо многочисленных рвов и карьеров, предназначенных для расстрела неугодных властям личностей. Они не были знакомы друг с другом в этой жизни, и даже вряд ли видели друг друга в толпе, но когда он сквозь щель в вагонной двери мельком увидел окровавленные белоснежные волосы и скатившееся по склону хрупкое женское тело, в его груди будто что-то оборвалось. И он дал себе слово: выжить, во что бы то ни стало, и, насколько хватит у него сил, восполнить утрату для этого мира. Он тогда не осознавал, в чем именно была эта потеря, и как именно он мог помочь. Даже когда у него родилась дочь, он не вспомнил о той мимолетной встрече, но где-то в глубине души он знал: беречь, охранять, дать ей все необходимое и не мешать ей стать той, кем она должна быть – вот его задача.

Звонок разлетелся по классам и коридорам школы, как освобождение. Гайва любила учиться и узнавать новое, восполняя пробелы в своих отчасти передававшихся инкарнационно знаниях, но некоторые стороны учебы выводили ее из себя. Языки и фундаментальные науки давались ей с легкостью, ведь их нужно было только освежить в памяти и восстановить в сознании. А вот история шла тяжело: то и дело преподаватель говорил о вещах, которые не имели никакого отношения к реально происходившим событиям, и для того, чтобы сдавать зачеты, ей нужно было зубрить то, что требовал преподаватель, а после – выбрасывать из головы, чтобы не мешало. Историю пишет победитель, и, похоже, ее уже столько раз переписали, что изменили до неузнаваемости. Помимо этого, ее безумно раздражала учительница английского, которая из-за своей внутренней пролетарской злобы высмеивала ее, свободно владевшую на тот момент тремя иностранными языками, называя умственно отсталой. Но отец настаивал, что издевательства преподавателя – это урок, который ей необходимо пройти, чтобы дальнейшие трудности ей были уже нипочем, и выбора ей не оставили.

Сбежав вприпрыжку с крыльца школы и беспечно размахивая ранцем, она легкой при- танцовывающей походкой направилась в сторону дома, а вслед за ней от угла здания скользнула и, озираясь по сторонам, стала красться сутулая тень в стоптанных башмаках. Его амнистиро- вали позавчера и сразу же, из камеры, где он должен был отсидеть еще лет десять за совершен- ные зверские изнасилования, какие-то люди, представившиеся сотрудниками некоего Девя- того отдела, отправили на задание. Оно было единственным условием его освобождения, но не поддавалось никакой логике: он должен был выследить, изнасиловать и убить одну семи- летнюю девочку – ученицу второго класса средней общеобразовательной школы. Его самого это неувязка совершенно не волновала и не вызывала никаких подозрений: его взгляд и мысли были затуманены одурманивавшим и сводившим с ума словом «свобода», не говоря уже о том, что его чем-то предварительно накачали. Обогнав девочку на последних шагах, он с вежли- вой и даже ласковой улыбкой открыл перед ней дверь в парадную. Поблагодарив его легким кивком головы, она вошла в ослепивший ее после яркого солнечного света полумрак подъезда и направилась к лестнице.

– Молчать! Раздевайся! – зажав ей рот своей разбухшей, многократно обмороженной, шершавой ладонью с почерневшими ногтями, он затолкал ее в лифт. – Будь послушной девоч- кой...

Но Гайва и не собиралась. Что было силы, она ударила его своими детскими ручками. У нее не было времени испугаться, но яркий импульс желания жить соединил ее на мгновение с истинной силой ее души. Разрезавший пространство и плоть энергетический луч, вырвав- шийся из ее ладоней, вонзился в тело насильника и пригвоздил его к стене. Высвободившись из сведенных судорогой рук, Гайва, не оглядываясь, побежала вверх по лестнице на свой этаж и заперлась в квартире, стараясь стереть из памяти обезумевшие, застланные туманом ярости глаза.

Архангел Михаил, следивший за ходом испытания, пристально посмотрел в замершие от боли неподвижные глаза насильника, которые стали, казалось, куда более живыми, чем были до этого. Еще бы! Сейчас он слышал и видел ангелов гораздо отчетливее. Вынув лезвие двуручного меча из бесчувственного тела, он позволил ему сползти на пол и направился вслед за Аксайей.

– Вы не находите, что испытание было чрезмерно жестоким? – Совет Хранителей него- довал из-за неоправданно резкой первой проверки.

– У нас нет совершенно никакого желания проверять Тейю Аксайю на прочность и реши- мость в ее намерении: если бы она сама не хотела, никто бы не заставил ее подписаться на эту авантюру. И, раз она согласилась, то, будьте уверены, пойдет до конца. Однако, к нашему величайшему сожалению, нравы людей сейчас на земле не многим отличаются от беззакония темных веков, поэтому не обессудьте... – Старейшины развели руками.

– Ну а мы, с вашего позволения, еще немного пошалим. – Темные, как всегда, были в своем репертуаре.

– С нашего позволения?! Да будь на то наша воля, так вас бы здесь и в помине не было! – кто-то в совете Хранителей схватился за рукоять меча, но его успели удержать его коллеги.

– *Спокойствие! – Прервали нараставшее недопонимание Старейшины. – Мы уверены, что какими бы ни были испытания, придуманные людьми и спровоцированные Темными, Тейя все выдержит и пройдет их наилучшим образом. Ведь рядом с ней же есть Хранитель? Ее отец? Ведь так?*

– *Так-то оно так, но ее отец уже не помнит Тейю как свою охраняемую и видит в ней всего лишь маленькую девочку. Да, мудрого не по годам, но все же ребенка. – Отозвались Хранители.*

– *Вот странные вы все-таки существа! Что вы, что люди. Вы говорите: «Темные! Темные во всем виноваты!» А что мы? Если не будет нас, знаете ли вы, каким капризным и своеправным может вырасти этот «мудрый не по годам ребенок»? Мы помогаем людям становиться такими, какие они есть на самом деле, и тот, кто слаб – сломается, а тот, кто силен – станет еще крепче.*

– *Пожалуй, только это нас и успокаивает, – разлетелся по амфитеатру гул голосов.*

– *Вы можете не одобрять, или даже быть против того, что мы делаем, но знайте, что благодаря нашей работе ее заметили те, кто обучит ее всему, и поможет вспомнить, кто она есть. Так что мы с вами на одной стороне, хотите вы это или нет. И еще не известно, кто из нас темнее, мы или они. – Представители совета Темных кинули презрительные взгляды на сектор совета Архангелов и вышли из зала Суда.*

Ее заметили, засекли и рассекретили, раскрыли местоположение, запеленговали. Она выдала себя неудержимым импульсом желания жить, и этот импульс, вырвавшийся из ее грудной клетки, ярким лучом прошел небо над смазанной и почти безликой толпой безвольных людей. И почти сразу же зашевелилась, заерзала дремавшая тьма: слетелась призрачными воронами к тому дому, где за тонкими стеклами пятиэтажки, в тихом шуме разговаривавшей самой с собой радиоточки, стоя на табурете перед большим кухонным столом, маленькая Гайва накрывала на стол. Ударившись о хрупкую грань, отделявшую залитую светом комнату от холодной черноты улицы, невидимая обычному человеку тень стряхнула с себя налет изумления и с еще большим остервенением стала биться в стекло, с каждым ударом испещряя его все более изощренной сетью трещин.

Почувствовав чей-то недобрый взгляд на своей спине и холодное прикосновение незримых всепроникающих рук, Гайва обернулась и хотела закричать, но звук застрял где-то в легких: черные силуэты и тени царапали и крошили своими когтями стекло, превращая его в развеваемую ветром пыль. Маленькая девочка, чье тело было еще не в состоянии слушаться не до конца вошедшую в него структуру души Тейи, бессильно опустилась на пол и отползла в центр кухни, подальше от грозивших смертью стен. Под обоями, с хрустом отрывая их от шершавой поверхности бетона, шарили когтистые пальцы темных рук, то и дело прорываясь сквозь плотную бумагу и стараясь дотянуться до своей жертвы, опрокидывая невесомую для них мебель и предметы интерьера.

В беспамятстве девочка шептала незнакомые заклинания, и где-то внутри зарождалось сплетение энергетических нитей, что, сформировав защитный кокон, могло с легкостью отразить любое внешнее воздействие. Но, выходя за границу неокрепшего детского тела, ступок заклинания рассеивался, как дым, вызывая только насмешку со стороны тех, кто решил

уничтожить всякую надежду на сохранение целостности этого мира. Любое заклинание, что всплывало из бессознательной памяти в голове у Гайвы, рассыпалось буквально в ее руках: знания и опыта магического боя ей хватало с избытком, но в новом рождении все ее способности были пока неактивны. Архангелы, повинаясь приказу Совета Иерархий, наблюдали за происходившим со стороны, готовые в любую минуту ворваться в гущу событий и разматывать призрачных разведчиков по закоулкам вселенной, но этого не потребовалось. В мигающем свете лампы Гайва дотянулась до приоткрытого ящика и опрокинула на себя все его содержимое. Оглушительные завывания и шкрябающий скрежет в голове не давал ей возможности сосредоточиться, но это была уже не маленькая девочка Гайва, – через ее тело, используя все доступные навыки и возможности, действовала сильная и могущественная сущность. Выбрав в темноте из всего хаоса баночек и коробков нужный, она в беспмятстве очертила толстой полосой вокруг себя замкнутую черту и, оказавшись в соляном круге, окончательно отключилась. Не сумев добраться до ее тела, призраки покружили вокруг еще немного и вихрем улетели прочь, затаившись в ожидании следующего шанса.

Пришедшие вечером родители так и не смогли понять, что произошло: отец просто прошел мимо, не увидев непривычную для его глаз картину лежавшей в круге соли дочери, а мать по-хозяйски стала прибирать кухню, посчитав, что девочка, просто баловалась, хотя это и было совсем на нее непохоже.

– Дочь, что с тобой? Потерянное сознание – это не повод отлынивать от домашних дел! Поторопись накрыть на стол. Сегодня у нас снова полный дом гостей.

– Мамочка! Папочка! – бледная как мел Гайва подошла к своим родителям на трясущихся от пережитого ногах. – Когда я вырасту, я буду сильной-сильной и смогу защитить и себя, и вас, и вообще весь мир, но сейчас мне нужна ваша защита. Пожалуйста, не оставляйте меня одну.

– Подготовьте здесь все, как положено, а я скоро вернусь. – Не обращая внимания на слабый голос дочери, отец надел на ходу шарф, чтобы уехать по делам.

– Если ты сейчас уйдешь, я больше никогда не буду с тобой разговаривать! – сверкнула глазами Гайва.

– Доченька, у отца очень важная встреча... – пыталась ее одернуть мама.

– Я никогда, никогда больше не скажу тебе ни одного слова. – Нахмутив брови, выпалила девочка вслед удалявшейся спине человека, которого все свое детство она была готова боготворить.

– Гайва здесь? – в тишине класса раздался голос завуча младших классов, заглянувшей в дверь и бледной как смерть.

– Да, – ответила ей учительница, и весь класс поднял глаза на сидевшую за первой партой девочку.

– Нужно, чтобы ты прошла к директору. – Обратилась к ней завуч.

– Но ведь я ничего не сделала! – лицо Гайвы выражало недоумение.

– И тем не менее. Вы же отпустите ее? – поинтересовалась она у преподавателя.

– А что мне остается? – пожала плечами женщина и кивком головы разрешила Гайве выйти из класса.

Идя по гулким холлам и переходам школы, завуч молча вела Гайву к кабинету директора, и предчувствие девочки говорило ей, что за этой дверью ее жизнь изменится навсегда.

– Войдите! – ответил незнакомый мужской голос, когда они постучались.

Напротив директора школы, женщины, на лице которой не осталось места, свободного от морщин, спиной к двери сидел мужчина, чьи намерения нельзя было определить из-за спокойного, ничего не выражавшего взгляда.

– Здравствуй... Гайва. – Размеренно произнес он, не повернув к ней даже головы и продолжая просматривать стопку бумаг, лежавшую перед ним. – Вы хорошо справились с проверочной работой.

– У нас еще не было проверочных. – Стушевалась девочка.

– И мы хотим, чтобы ты не останавливалась на достигнутом. – Будто не слыша ее возражений, продолжил незнакомец. – Тебя ждет подготовка к более сложным и важным задачам.

Только сейчас Гайва заметила сидевшего в кресле рядом с дверью отца. По-видимому, его пригласили на встречу раньше и уже все с ним обсудили.

– Пойдем? – незнакомец подошел к ней и, присев на корточки, чтобы заглянуть в ее глаза, протянул ей руку.

Она пристально посмотрела в его бездонные зрачки, а затем вопросительно повернула голову к отцу. Он был взволнован, но старался не подавать вида. Получив от него согласие, выраженное в сдержанном кивке, она неожиданно для всех пожала незнакомцу руку.

У дверей школы ее ждала черная «Волга» без номеров.

Прошелестев шинами по асфальту пустынных улиц, машина остановилась на мгновение перед тяжелыми стальными воротами и въехала во внутренний двор массивного здания, более напоминавшего монолитную крепость с маленькими бойницами окон. Вечно бегущие куда-то прохожие, почувствовав их недобрый прощупывающий взгляд на своих затылках, невольно передергивали плечами и, плотнее закутавшись в плащи и пальто, спешили поскорее скрыться за поворотом, убегая от этого неприятного ощущения. Здесь не было ни номера дома, ни названия улицы, и если какой-нибудь заблудившийся курьер осмеливался подняться по широким гранитным ступеням, чтобы постучать в дубовые створки дверей, на него тут же обращались взоры снайперов службы безопасности, державших вахту на крышах близлежащих домов.

Более пустынных и запутанных, как лабиринт, коридоров, чем здесь, не было ни в одном другом здании города. Здесь никто не задавал лишних вопросов, и мало кто задавал вопросы в принципе, понимая, что каждый знает ровно столько, сколько знать положено, а знать то, что знать не положено, – опасно для жизни. В то же время, именно здесь, в этих кабинетах в общей совокупности знали абсолютно все, совершенно обо всех, о каждом, живущем в стране человеке. Знали не только то, кто какую зарплату получает и на что ее тратит, не только, где живет, кем работает и как проводит свободное время. Я говорю о том, что не бросается в глаза и никак не отображается в бухгалтерской отчетности или обходном листе. Здесь знали о возможностях и потенциале души каждого рожденного. Стоило только кому-нибудь засветиться, проявить свои способности, не удержавшись в эмоциональном порыве, он сразу брался на карандаш и попадал под более пристальное наблюдение, а впоследствии – в один из этих кабинетов, где решалась его дальнейшая судьба. А выбор был невелик: либо согласиться на условия работы в государственной спецслужбе, либо с миром идти на все четыре стороны. Но даже если счастливицу удавалось после состоявшегося разговора добраться до дома, на следующее утро он мог уже не проснуться. Они знают, как можно убить совершенно незаметно, на расстоянии, буквально щелчком пальцев.

Особенность магического потенциала в том, что он должен быть использован. Независимо от цели и направления. Принцип этой организации был таков, что если этот потенциал нельзя было использовать в поставленных перед ней целях, то он должен был быть уничто-

жен. Выпит вместе с душой его владельца без остатка и слит в общий резервуар хранилища, из которого при любой необходимости они могли черпать силы и энергию для выполнения своих собственных задач, для достижения своих собственных целей.

Пройдя по бесконечным лабиринтам голых стен, Гайва вместе с сопровождавшим ее мужчиной остановилась перед неприметной двустворчатой дверью, напоминавшей более дверь в кладовую, нежели в кабинет. Не говоря ни слова, мужчина протянул девочке руку, показав, что ей нужно снять верхнюю одежду и отдать ее ему вместе с портфелем. Убедившись, что у нее не было острых или тяжелых предметов, он также молча, жестом предложил пройти в открытую дверь. Не чувствуя опасности, Гайва сделала шаг в ярко освещенное флуоресцирующим светом помещение. И как только обе ее стопы коснулись покрытого чем-то мягким пола, створки дверей захлопнулись за ее спиной, вспыхнув багровым цветом наложенных на них защитных символов. Свет погас так же внезапно и неожиданно, оставив Гайву без единого шанса осмотреться. Оказавшись в полной тишине изолированной от проникновения света и звуков комнаты, девочка вскрикнула от испуга, но тут же осеклась и затихла, поняв, что практически не слышала своего собственного голоса, поглощенного мягкими и, как губка, впитывавшими звук стенами. Она даже не могла понять, насколько большим или маленьким было это помещение, равно как и не могла узнать высоту стен, и был ли там вообще потолок. Все, что она чувствовала – это мягкий упругий ворс под подошвами ее туфель и такое же мягкое, но неприятное на ощупь покрытие стен: будто маленькие щупальца, тянулись к ней из толщи цементных блоков здания.

Гайве потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя. Она пыталась нащупать дверь, но та куда-то исчезла. Нанесенные на нее руны делали ее неприступной преградой, справиться с которой было невозможно, не владея ключом, ни снаружи, ни изнутри. Собравшись с духом, она пошла вдоль стены, одной рукой касаясь ее, чтобы не пропустить случайный поворот, а другую – выставив вперед. Полого закругляясь, стена возвращалась в исходную точку, образуя замкнутый круг, по которому, теряя всякие ориентиры во времени и пространстве, бродила Гайва. Перед ее глазами плясали яркие цветочные пятна, перетекавшие одно в другое, мешая ей сосредоточиться. В отсутствие каких-либо внешних источников сигнала ее мозг создавал картины, цепляясь за любой проходящий образ, за любую крупицу информации. У обычного человека эти прыгающие цветочные пятна, сформировавшись в приемлемые для его сознания и рассудка образы, могут вызвать, в конечном счете, глубокое расстройство психики, устойчивые галлюцинации и полностью диссоциировать его разум и душу. Но то, что видела перед своими глазами Гайва, не было простым видением, плодом фантазии и воображения уставшего от неразберихи мозга, – она видела потоки переплетававшихся энергий этого пространства. Постепенно картина ее видения расширялась и становилась более полной. Первым делом она смогла различить тонкую линию светящегося перламутром потока, шедшего по периметру комнаты и огибавшего все помещение, с каждым следующим витком поднимаясь по стене на уровень выше. Уходя по спирали наверх, он собирался в центральной точке невидимого купола, из которой стекали тонкими струями серебристые нити меридианов воображаемой сферы. Пораженная этим зрелищем, Гайва решила отпустить стену, что водила ее по замкнутому кругу, и, всматриваясь в сверкавшее над головой небо, направилась к центру комнаты. Казалось, чтобы добраться туда, ей потребовалась целая вечность.

С каждым ее шагом струящийся мерцающими нитями небосвод менял свою конфигурацию, отдавая в пространстве ее цель. Гайва остановилась на мгновение, попытавшись нащупать оставшуюся позади стену, но ее рука провалилась в пустоту. Собрав в кулак свою волю, она двинулась дальше, полагаясь лишь на свой внутренний взор и силу своего намерения добраться до той точки, к которой ее подталкивало только необъяснимое знание. Внезапно она остановилась как вкопанная, подчинившись своему внутреннему голосу, который пробудился, как только она оставила все попытки сориентироваться в пространстве с помощью общеизвест-

ных и доступных людям органов чувств. Она почувствовала, как те потоки, что до этого она могла только наблюдать, теперь, прикасаясь к ее телу, оказывали на нее осязаемое воздействие, будто поднимая ее руки вверх. Подчинившись их настойчивому движению, Гайва позволила своим рукам двигаться так, как ей велел ее внутренний голос. Подобрав, подцепив своими пальчиками мерцавшие в темноте нити потоков, она перенаправила их течение, соединила их в одной точке, в себе, став их пересечением – естественной частью этой четко выверенной энергетической структуры, которой не хватало лишь одного связующего звена. И она стала этой недостающей частью, замкнув на себя множество блуждавших, мерцавших, не имевших привязки в пространстве потоков. Она восстановила изначально задуманное течение энергий в структуре терявшей свое равновесие сферы. Почувствовав возможность выхода из замкнутого круга временной петли, созданной для тестирования таких, как она, новобранцев, мощные волны потоков ринулись к ней, хлынув через ее руки в пространство физического мира, заполняя своим свечением маленькую комнатку, обитую войлоком и более походившую на кладовку, нежели на купол небосвода. Разливаясь по полу и поднимаясь вверх по стенам, эти потоки, проходя через руки девочки, заполняли собой выведенные на стенах защитные символы. В момент, когда все воссозданные ею ключи нейтрализовали защитные знаки, выполнив свою задачу и открыли дверь, сбросив с нее заклинание, Гайва, обессилев, потеряла сознание.

– Завтра после школы за тобой приедет машина. – Не оборачиваясь, произнес человек, сидевший на переднем пассажирском сидении. – Она будет ждать тебя ровно десять минут. Если ты не придешь, твоим ничего не подозревающим друзьям, а затем и семье, не поздоровится.

– Откуда вы знаете, во сколько у меня заканчиваются уроки? – спросила Гайва, пытаясь остановить скачущие мысли в неумолимо кружившейся голове.

– Из всего, что мы о тебе знаем, расписание твоих занятий – это самое малое. До скорой встречи. – Многозначительно подчеркнул он уже через окно и жестом приказал водителю трогаться.

С того дня каждый вечер за ней приезжал водитель на блестящем черном глянце автомобиля, и она, спустившись с крыльца школы, скрывалась за тонированными стеклами от любопытных глаз одноклассников и ехала на занятия, о сути которых не то что подругам, даже родным знать было смертельно опасно.

По меркам того времени, личный автомобиль был признаком невероятной роскоши, а уж личный водитель в воображении обывателя превращался в символ принадлежности к элите общества. Но у этой роскоши была и обратная сторона: молодой человек, открывавший дверь и помогавший сесть в машину, был крайне вежлив и обходителен, но стоило только объекту его заботы сделать неверное движение, отойти от предписанного регламента, или даже попытаться бежать, он, не задумываясь, стрелял бы на поражение. В Девятом отделе умели промывать мозги людям настолько быстро и качественно, что человеку становилось чуждо все человеческое: и чувства, и эмоции, и сострадание, и даже любовь. Впрочем, они это и сейчас умеют. Они оставляют способность здраво мыслить и чувствовать только тем, кому это необходимо для выполнения заданий. Таких агентов обучали особым образом: точно так же, как тренировали и натаскивали боевых магов в древние времена, которым было необходимо знать и в тонкостях

понимать абсолютно все: от процесса формирования мысли до физического взаимодействия с природными и космическими стихиями. Каждый получал от этого свою выгоду. Руководящая верхушка государства имела в своем подчинении и под полным контролем высокочеловеческих боевых магов, способных, как предвидеть, так и структурировать необходимые события будущего, при необходимости воздействуя на сознание и психику людей, и даже руководителей других государств. Рыцари тайного Ордена могли, обучая новобранцев, находить тех, кто так же, как они, родились для того, чтобы нести свои знания следующим поколениям. Те, кого они вербовали, получали возможность в кратчайшие сроки раскрыть максимум своего магического потенциала и вкиснуть полноту яркой, но обреченной быть скоротечной, в виду опасности их профессии, жизни. Однако Гайва узнает об этом только спустя лет семь, когда сама столкнется с безжалостностью и жестокостью тех, кто, практически не произнеся ни слова, завербовал и ее. У нее не было выбора. По воле случая, а по факту, с данного ей перед рождением соглашения, единственным возможным образом в реалиях такого мира, коим он стал вследствие ошибок прошлого, Гайва с одиннадцати лет стала обучаться тому, что должна была знать, чтобы выжить и выполнить свое Предназначение. На протяжении первых двух лет она расширяла и углубляла свои познания в физике, астрономии, анатомии, естественных науках и истинной истории, опережая в сроках и превышая в объеме во много раз ту программу, что преподают детям ее возраста в обычной школе. Помимо общеизвестных наук ей преподавали и основы древних языков, и азы бытовой магии, обучали различным методикам входа в медитативные состояния, развивая способности видеть и чувствовать с плотно завязанными глазами все, что происходит вокруг; тренировали чувствовать и видеть намерения других людей так же четко и ясно, как свое собственное.

Если ее отец смутно догадывался о том, в какой организации обучалась его дочь, то мать еще долгое время оставалась в счастливом неведении. Лишь однажды Гайва чуть не прокололась, когда мама вошла в комнату, где ее дочь тренировалась видеть в темноте. Постояв на пороге с застывшим на лице выражением обеспокоенного недоумения, наблюдая за тем, как Гайва с плотной повязкой на глазах ходила по комнате, широко расставив руки, она так же тихо, как вошла, закрыла за собой дверь и больше не задавала лишних вопросов.

Спустя два года ее обучение стало куда более жестким. К уже ставшим привычными дисциплинам добавились практики выживания в дикой природе и самообороны, бой на мечах и, естественно, стрельба из всех видов оружия. Курс бытовой магии плавно перешел в занятия практической боевой магией, где зачастую противниками были не просто манекены, или такие же студенты, как она, а самые настоящие преступники и убийцы, специально выписанные из окрестных тюрем для использования в качестве наглядного пособия. О них мало кто будет печалиться, если они умрут. Гайве стало сложнее объяснять свои долгие отсутствия, после которых она возвращалась в школу с забинтованными руками и со сбитыми на тренировках костяшками пальцев, но преподаватели уже не задавали вопросов, понимая, что она совершенно ничего не скажет.

В то время в обучении магии не было понятия готовности или неготовности. Здесь было так же, как и везде: Партия сказала «Надо!», – значит, надо! И уже сразу после первичной подготовки Наставники брали своих учеников на боевые задания, потому что больше брать с собой было некого. Участвуя в них, Гайва наблюдала своим врожденным зрением, проникая в самую суть вещей, за всем, что делал ее Наставник, в деталях и подробностях видя все то, о чем другие ученики могли только догадываться.

Будучи прямым следствием прогремевшей не так давно Мировой Войны, завихрения темных энергий, возникших, как по причине спонтанных эмоциональных всплесков, так и созданные целенаправленно, должны были быть уничтожены, а накопленная в них энергия – снова направлена в бой. Но на этот раз уже не на физическое уничтожение противника, а на ментальное подчинение тех, кого называют говорящим словом «массы», на поиски и изу-

чение новых методов захвата власти над умами и сознанием людей, власти над каждым, кто имел хотя бы крупицу потенциала, способного перевернуть сложившийся порядок. По всей планете после той войны оставались лежать в земле останки людей, чьи души, не будучи отпущенными по всем правилам в те пространства, в которых они должны находиться после смерти, были обречены на то, чтобы стать неупокоенными призраками. Они питали свои силы в том, от чего погибли сами: в боли, страхе, помешательстве и жестокости, вызывая в мирных жителях, осмелившихся вернуться в свои поселения на местах ожесточенных битв и сражений, все то, что самим им не давало покоя. Вряд ли в задачи «конторы», как называли Девятый отдел все, кто имел к нему хоть какое-то отношение, входила отправка этих потерянных и заблудившихся душ в структуры Света; скорее, им нужно было исключить возможность использования заключенной в них энергии кем-то другим. И здесь выбор был невелик: либо отправлять их по предусмотренному для них Творцом и Вселенной пути, либо использовать самим. Но что именно с ними делали, так и осталось тайной.

– Однажды ты проснешься и поймешь, что никому в этом мире нельзя доверять, кроме себя самой. – Сказал однажды ее Наставник. – Это ощущение может внезапно появиться и так же исчезнуть, но как бы то ни было, самое главное – пережить тот момент, когда ты понимаешь, что вокруг нет никого, на кого ты могла бы положиться.

– Животные считаются? – Поинтересовалась в ответ Гайва.

– Животные? Хм... – задумался Наставник. – Как это ни странно, животным я доверяю куда больше, чем людям. Они, приняв в человеке хозяина, уже никогда не предадут и не оставят в одиночестве. Более того, у каждого животного, даже у самой маленькой кошки, сердце и душа настолько огромны, что они готовы пожертвовать собой ради того, чтобы жил тот, кто принял их в свою жизнь.

– А что насчет диких зверей?

– Завтра у тебя появится возможность это выяснить.

– Как?

– Завтра узнаешь. – Сурово ответил Наставник, уходя. – Видишь, даже мне нельзя доверять. – Добавил он, смягчившись в выражении лица. – Оденься завтра по-походному.

– Вегу можно с собой взять? – спросила девушка, почувствовав, что предстоит неблизкое путешествие, тем более, если Наставник решил ее предупредить.

– Вегу? Думаю, да.

Заботился ли он о ней? Была ли ему небезразлична ее судьба? Да. Более того, несмотря на все испытания и проверки, на которые он давал свое согласие, чтобы выяснить наверняка, кем она является, он чувствовал необъяснимую связь с ней. Связь, которая возникает только между теми людьми, чьи души связаны друг с другом не одно рождение. Она была дорога ему, как собственная дочь, которой у него никогда не было. Когда контора только зарождалась, каждый, у кого была семья, или просто близкие родственники, должны были дать обязательство прекратить, прервать любое общение с ними. Умереть для них. Если это условие нарушалось, – похороны были настоящими. Жены и мужья, а тем более дети, – слишком тяжелый балласт, который мог стать помехой в самый неподходящий момент.

Утром следующего дня встретивший Гайву у подъезда водитель, повернув на широкий проспект, направил машину мимо строившихся многоэтажек к выезду из города. Держа Вегу, стройную немецкую овчарку, за ошейник, девушка всматривалась в пролетавшие мимо стволы берез в заснеженном лесу, притихшем в ожидании сонного зимнего солнца. Но в большей степени она прислушивалась к своим внутренним ощущениям, стараясь предугадать, что ждет ее впереди. Что это: учеба, проверка или боевое задание? Через пару часов гладкий асфальт сменился военной бетонкой, с которой еще через некоторое время они повернули на лесную грунтовку. Остановившись там, где начиналось бездорожье, водитель открыл багажник и достал из него компактный, но увесистый рюкзак. Положил его на землю, развернулся и уехал, не сказав ни слова.

Отпустив собаку размять лапы после многочасовой тряски, Гайва села на ствол поваленного ветром дерева и взяла рюкзак в руки.

«Мы ехали часов пять. Должно быть, мы километрах в ста от города», – размышляла она, разбирая содержимое рюкзака. – «Что здесь у нас? Фляга с водой, простенький фонарик, нож, моток веревки, шерстяные носки и шоколадка. О, как мило! Так! А где спички? В прошлый раз были спички! Ладно. А это что у нас?»

На самом дне рюкзака под плотно упакованными свертками сухпайков лежала сложенная вчетверо карта и прикрепленная к ней записка: «Спичек не будет, зажигалки тоже. Нужные точки отмечены на карте. С остальным разберешься на месте. Удачи! Береги себя». Гайва в первый раз в жизни видела почерк своего Наставника, но понимала, что кроме него никто не мог написать этих строк, наполненных, несмотря на сухость слов, огромной заботой и теплом. Внимательно оглядевшись по сторонам, она развернула карту и поразилась масштабам предстоявшего путешествия. На расстоянии километров десяти друг от друга на карте были раскиданы обведенные карандашом отметки, обозначающие не какое-то конкретное место, а область, в которой это место нужно было найти. Всего меток было штук семь или десять, и они выстраивались в извилистый маршрут, который ей предстояло преодолеть, оставшись незамеченной для постороннего взора.

Первая ночь выдалась непростой и практически бессонной. Зимнее солнце быстро скрылось за деревьями и погрузило окрестности в неприятный полумрак, в котором даже самый твердолобый неуч неосознанно почувствовал бы опасность. Вега жалась к ногам и ни на шаг не отходила от своей хозяйки, вглядываясь и иногда огрызаясь в надвигающуюся темноту. Пробравшись через сугробы вглубь леса, подальше от дороги, Гайва стала готовиться к ночлегу, несмотря на постоянное ощущение присутствия чего-то очень небезобидного. Подкрадывавшийся из темноты холод начинал пробираться под одежду, настойчиво давая понять, что если она не предпримет каких-либо действий, она обречена. Тусклый свет фонарика выхватывал из темноты только ближайшие стволы деревьев и быстро рассеивался – нормальный фонарь для нее видимо пожалели, – а там, за границей света явно кто-то был, и это не добавляло спокойствия. Понимая, что при таком морозе уснув, она может и не проснуться, Гайва решила, не дожидаясь рассвета, подготовить все, что могло облегчить ей путь. Нарезав прутьев из веток ближайших кустов, она принялась мастерить снегоступы, но вынутые из рукавиц для тонкой работы руки быстро немели и коченели на набиравшем силу морозе. Даже Вега, свернувшись в клубок, начинала тихо поскуливать.

«Так и оконечет не долго!» – ворчала Гайва, заново перерывая весь рюкзак в надежде найти в каком-нибудь потайном герметичном кармане хотя бы огниво. Но, по-видимому, все, что ей полагалось иметь в этом походе, она уже нашла.

Опустившись в отчаянии на сложенный наподобие настила валежник, который она наломала больше для того, чтобы согреться, Гайва отломала кусок темного шоколада и, поморщившись от его горького вкуса, прожевала. Сделав глоток из фляги, она тут же отдернула ее от рта, отплевываясь: в ней была спиртовая настойка ароматных терпких трав. После единственного глотка обжигающее тепло разлилось по ее телу до самых кончиков пальцев и придало ей сил. Но даже капля спиртного может, если не заблокировать способности, то притупить видение и затуманить взор, и в инвентарь настойка входила для совершенно иных целей: на случай жертвоприношения духам леса. С хрустом зажевав комком снега неприятные ощущения во рту, Гайва от досады, что ей даже воды не оставили, скомкала шоколадку в обертку, чтобы кинуть в рюкзак. И вдруг ее осенило: в ее руках шелестела фольга! Ну, конечно же! Вытряхнув из фонарика батарейку, она соединила ее контакты полоской фольги, обернутой в самом узком месте обрывком бумаги из оставленной для нее записки. Через мгновение бумага вспыхнула от раскалившегося докрасна металла, породив маленькое, но яркое пламя.

Утолив жажду растопленным в котелке снегом, она улеглась в обнимку с Вегой на еловых лапах, разложенных рядом с костром, освещавшим своим присутствием всю небольшую

поляну, оставляя за границей своего света всех, кто таился в ночи. Тепло его пламени, зарождавшееся на тонких сухих ветках, что Гайва на скорую руку наломала в потемках, поднималось вверх, скользя по покрытым толстым слоем снега иголкам ели. Не успела Гайва расслабиться и наконец-то согреться, как оттаявший от теплого воздуха снег свалился на них с нижних веток, пробудив от дремы и накрыв их вместе с костром пушистой белоснежной шапкой. Вынырнув из нее, Гайва переместилась ближе к центру поляны и вновь развела костер тем же замысловатым, но действенным способом. Наконец она смогла отдохнуть под высоким звездным небом в обнимку со своей собакой, которая своим теплом оберегала ее от зимней ночи.

Утром Гайва отправилась в путь, сверившись по Солнцу и карте, уходя все глубже в необжитую и нетронутую цивилизацией чашу леса. Мерное похрустывание снега под плетеными снегоступами с каждым шагом уносило прочь все ее мысли, погружая в легкое медитативное состояние, в котором звеневшая вокруг тишина начинала заполняться звуком и голосами. Со временем среди тихих и размеренных разговоров деревьев между собой начинали слышаться неясные стоны и крики, то ли воинственные, то ли взывавшие о помощи. Прислушавшись и оглядевшись по сторонам, Гайва поняла, что источником этих звуков были полупрозрачные тени, мелькавшие то тут, то там между деревьями.

«Чем я могу вам помочь?» – она напрягла все свое внимание, чтобы услышать какой-либо ответ, но призрачные силуэты не обращали на нее никакого внимания. Они продолжали самозабвенно сражаться с невидимым врагом и умирать в окровавленном снегу. Пробиваясь через плотный туман из возникавших прямо перед ней силуэтов, она начинала более ясно и отчетливо видеть их лица, искаженные болью и отчаянием, стала различать их одежду и военную форму, оружие, с которым они шли в неравный бой, не обращая на нее никакого внимания. Увернувшись от внезапно материализовавшегося перед ней танка, вспоровшего грохотом тишину леса, Гайва в кувырке спряталась за стволом большого дерева, и, почувствовав пробежавший между лопаток холод, постаралась отдышаться. Оставив в рыхлом снегу глубокую колею, танк исчез за пригорком, и рев его двигателя стих так же резко, как и появился. «Если бы я не увернулась, он бы прошел сквозь меня? Не хочу проверять!» Стараясь успокоить мечущееся сердце, Гайва сделала глубокий вдох, но воздух, влившийся в ее легкие, лишь добавил сомнений: в нем до сих пор витал сладковатый привкус соляры.

Прислонившись спиной к дереву и почувствовав затылком шершавую поверхность его коры, она пыталась прийти в себя. Что ей рассказывали о подобных явлениях? Сейчас в такой форме солдаты уже не воюют. Да и не форма это, – так, телогрейки. Танк тоже отнюдь не современный. Эх, нужно было проверить его физическую плотность! Тогда бы она смогла понять, что это было: иллюзия, созданная для обучения, морок, оставленный со времен боевых действий, или же проекция, застрявшая в структурах пространства. Немного выровняв свое состояние, Гайва вдруг опомнилась: собака?!

– Вега! Где ты!? – вскочив на ноги, несмотря на присутствие блуждавших по лесу силуэтов солдат, Гайва крикнула, что было силы, но если ответный звонкий лай где-то и прозвучал, то он не смог пробиться до слуха хозяйки через плотную пелену тишины, в которой даже эхо не вернуло девушке ее крик.

Просто убежать, оставив свою хозяйку в беде, она не могла, и Гайва знала это наверняка. Значит, она сама оказалась в том пространстве, в которое Вега не смогла пробиться. Созданные человеком пространственно-временные структуры могут, как втягивать в себя всех без разбора, так и отторгать, не принимая тех, для кого не предназначены. Тогда это она, сама Гайва, оказалась в пространственно-временной петле! И тогда это многое объясняло: и внезапно появившийся и растворившийся в воздухе танк, и шедших в незримый бой солдат. Ее догадки и опасения окончательно подтвердились, когда она обратила внимание на доносив-

шийся откуда-то сверху звук мотора и подняла глаза к небу. В нем кружились, стараясь взять друг друга на мушку, два самолета. С земли сквозь ветви деревьев было сложно разобрать, что именно это были за машины, но судя по звуку – тех же времен, что и танк. Выйдя на открытое место, девушка прикрыла глаза от солнца, сиявшего в бездонном голубом небе, в котором ожесточенно боролись за жизнь экипажи двух истребителей. Горячий воздух от их моторов, вырываясь из выхлопных труб, застыл мелкими каплями льдинок на зимнем морозе и сразу же развеивался бушевавшим на высоте ветром.

Вцепившись в штурвал побелевшими от напряжения пальцами, а утомленным взглядом – в изворотливого противника, пилот старался направить свою крылатую машину так, чтобы одновременно и увернуться от чужих пуль, и дать своему пулеметчику шанс изрешетить вражескую броню. Из всех сил сопротивляясь перегрузкам, граничащим с возможностями машины, он закладывал вираж за виражом, стараясь выйти противнику в хвост. За его спиной на небольшом возвышении сидел напарник, вооруженный двуствольным пулеметом с почти иссякшим запасом патронов, которого едва могло хватить еще на пару заходов. От понимания, что любой выстрел мог стать последним, у него сводило скулы, делая черты его лица настолько суровыми, а взгляд – настолько жестоким, что любой враг, увидев его в том состоянии, обратился бы в паническое бегство. Но противник не мог видеть его лица и его испепелявшего цель взгляда. Все его мысли и действия были подчинены одной единственной цели – выжить, выйти из этого боя победителем. Но его надеждам не суждено было сбыться. Уже было взятый под прицел самолет, повинаясь своему пилоту, совершил обманный маневр и, вильнув крылом, ушел вниз и в сторону, дав своему пулеметчику возможность прострочить фюзеляж неприятеля от мотора до хвостового оперения. Поймав свою жертву в перекрестье прицельной рамки, Георгий выпустил в ненавистного врага все оставшиеся у него снаряды. Проследив взглядом за падавшим вниз в клубах дыма и огня истребителем, он дотянулся до своего пилота и похлопал его по плечу:

– Молодчина! Давай домой!

– Какое там! – отмахнулся тот. – Смотри! Еще один!

– Уходим! Патронов нет! Слышишь? Нет снарядов!

– За спинкой, вместо аптечки спрятан запас! – перекрикивая рев мотора, пилот дал Георгию понять, что он не намерен бежать с поля боя.

– Да, чтоб тебя! – выругавшись, пулеметчик вернулся на свое место и просунул руку за спинку сиденья.

Вместо легкого ящика аптечки с бинтами и стрептоцидом там был принайтован увесистый жестяной короб с неприкосновенным запасом снарядов. Как раз на такой случай. Вытащив из него конец патронной ленты, Георгий заправил ее в пулемет и захлопнул крышку затвора. Уже приготовившись стрелять, он замер, почувствовав в позвоночнике между лопаток неприятное ощущение пустоты и безысходности, будто то, что он сейчас делает, то в чем он принимает участие, происходило уже много раз, может, даже не один десяток и не одну сотню. Да, он не был отнюдь новобранцем, на его счету было множество боевых вылетов, но сейчас он впервые прибег к запасному варианту, о котором не знало даже командование их эскадрильи. Впервые! Однако от прикосновения к холодной стали патронного ящика по всему его телу пробежало волной ощущение того, что принято называть «дежавю». Каким бы выразительным и емким ни было слово, ни одно из придуманных человеком словосочетаний, даже это французское «уже виденное», не способно передать всю гамму чувств и эмоций, что испытывает человек, который понимает, что уже тысячу раз делал то, что делает впервые в своей жизни. Ни одно слово не способно описать тот страх неизвестности, что возникает, когда человек не может понять и осознать, что есть реальность, и каким на самом деле было прошлое, если сейчас оно происходит и случается прямо перед его глазами, повторяясь в деталях.

Сбросив с себя наваждение, Георгий вцепился в рукоятки орудия и, найдя в прицельном створе приближавшийся самолет, приготовился открыть огонь. В его остекляневших от усталости глазах уже не было ни надежды, ни ярости, – только безысходность. Стекавший ручьями со лба пот застилал его взор. Георгий перестал отличать появлявшиеся от переутомления галлюцинации от действительности. Его мозг разрывало на части от нереальности происходящего. За мгновение до того, как его пальцы были готовы нажать на спусковые крючки, в его голове раздался голос: *«Остановись! Ты уже это делал. Ты уже это видел. Ты уже побеждал в этом бою, но так не работает!»* Георгий закричал во все горло, обхватив голову руками, пытаясь заглушить звучавший из ниоткуда голос, стараясь отогнать обступавшее его безумие. *«Нет, ты не сошел с ума. Ты начинаешь видеть, чувствовать и понимать то, что недоступно сознанию других людей»*. Но пулеметчик продолжал неистово орать, сдавливая ладонями свои горевшие невыносимой болью виски. *«Посмотри на меня!»* – раздалось в его голове, и он снова прильнул к прицелу: перед ним был теперь не один самолет, а несколько, будто изображение, как в трубке калейдоскопа, нещадно двоилось в его глазах.

«Где ты?» – беззвучно прошептали его губы.

«Ищи меня там, куда еще не смотрел».

Его голова шла кругом от нереальности и невообразимости происходящего. В его памяти мелькали кадры каждого из шестидесяти четырех тысяч восьмисот пятидесяти трех воздушных боев, повторившихся в этой, созданной нарочно пространственно-временной петле. Они разворачивались в различных вариациях, отличавшихся деталями, но с совершенно идентичным исходом: добив врага, Георгий тянулся за спинку своего сиденья, чтобы перед следующим боем зарядить свое орудие последней лентой патронов. Его взгляд, повинаясь приказу невидимого собеседника, пытался найти точку опоры, но вокруг него сияло куполом только голубое небо, и то тут, то там мелькали полупрозрачные силуэты проекций вражеского истребителя, наслоившихся друг на друга в истончавшейся структуре временной петли. Ее структура начала тлеть и рассыпаться, как только Гайва решила разорвать этот замкнутый круг после нескольких часов наблюдений за тем, как раз за разом, как по нотам, разыгрывалась одна и та же сцена, не имевшая ни начала, ни конца. Какой виртуозный монтажер смог так завернуть пространство и время, заиклив их на самих себя? Склеить их края, как пленку кинофильма, сделав место склейки таким неприметным и гладким: в момент перезарядки оружия?

Тот, к кому был обращен призыв и взгляд девушки, стоявшей на краю поля, высоко задрав голову, уже не мог ничего разобрать в своем головокружительном полете. Он не мог докричаться до своего пилота, как и прежде поглощенного идеей уничтожить возникшего на его пути врага. Он не мог сосредоточиться на происходящем, его начинало мутить, потому как в постоянных рывках виражей, оставив пулемет, он хотел выглянуть из маленького бортового окошка вниз на землю, – туда, куда еще не смотрел, в надежде увидеть то, что поможет ему выбраться из западни, в которой он очутился. Бескрайнее заснеженное поле, взрытое танками, дымящиеся обгоревшие остовы домов деревни неподалеку, падающие навзничь пехотинцы, погибающие от вражеских пуль, взрывы мин и гранат, ожесточенная борьба за жизнь, – вот то, что он увидел внизу, когда ему предоставилась возможность. И во всей той мясорубке ярким пятном, привлечшим его внимание, вырисовывался силуэт девушки, непоколебимо и спокойно стоявшей на поле, не обращая внимания на свистевшие вокруг нее пули и гремевшие взрывы снарядов. Ее взгляд на доли секунды встретился с обезумевшими глазами Георгия и вместе со знанием истины происходящего придал ему сил, вернув способность действовать осознанно.

«Ты в ловушке времени», – вновь звучал голос в его голове, но теперь он знал, что являлось его источником. – *«Но теперь ты знаешь об этом, и она начинает разрушаться»*. Георгий мог только завороченно наблюдать со стороны за всеми своими боями, проистекавшими перед ним последовательно и, вместе с тем, одновременно. Не спрашивайте меня, как это возможно, но так было. Понимание того, что все это время он был пленником пространственно-времен-

ной петли, могло свести его с ума, но голос Гайвы каждый раз возвращал его к действительности: *«Мне нужна твоя помощь и согласие. Ты хочешь закончить тот бой?»* Мужчина закрыл глаза, чтобы не видеть мелькавшего за бортом самолета расплывшегося по швам мира.

«Да», – еле слышно проговорил он.

«Я могу помочь тебе увидеть то место в этой петле, где она замыкается, но разорвать ее – только в твоих силах».

«Зачем ты помогаешь мне?» – Георгий задал вопрос голосу молодой девушки в своей голове.

«Не время задавать вопросы. Так надо. Делай!»

Георгий отстранился от маленького круглого окошка и потянулся к своему месту, но там он к своему удивлению обнаружил никого иного, как самого себя, – одну из множества своих собственных проекций, проявившуюся из спутанных друг с другом петель. Пока он пытался завладеть пулеметом, другая его часть, сжав рукоятки, с ожесточенным лицом, полным ненависти и страха, отстреливалась от кружившего рядом врага. Его проекции двоились и троились в его глазах, и, как он ни старался отстранить их, его руки проходили сквозь едва ощутимое уплотнение воздуха его собственного, но чужого тела, не оказывая на них никакого воздействия. Схватившись за нож, он попытался прервать свое собственное сопротивление, уничтожив часть себя, но его острое лезвие проходило вдоль нитей и волокон ставшей осязаемой петли, не причиняя никому вреда. Георгий чувствовал, что сам начинает растворяться и исчезать из той реальности, в которой его действия не были прописаны задуманным кем-то сценарием. Отбросив исчезнувший в темноте клинок, Георгий порывисто выдохнул и, зажмурившись, вполз на свое место. Он почувствовал, как все его отслоившиеся части, как к магниту устремились в него, соединяясь с ним и делая его руки неподъемными. Вернувшись в предусмотренный проектировщиком петли сценарий, он вновь схватился за оружие. Преодолевая сопротивление, стремившееся уничтожить ту часть его сознания, что начинала бороться за выход из ловушки, Георгий с усилием перевел дуло пулемета в сторону от самолета противника и одной продолжительной очередью разрядил все патроны. Не зная, чего ожидать, он потянулся за спинку сиденья, но там не было ничего, кроме пустоты. Вдруг через заиндевевшее стекло своей кабинки он увидел, как прямо на него через снежную мглу надвигался, разрывая воздух лопастями своего винта, вражеский самолет. У него не было ни времени, ни сил, чтобы испугаться, но на какое-то мгновение в его мысли закралось сомнение: а вдруг этот внутренний голос – это всего лишь выдумка, плод его собственного воображения и уставшего мозга, мираж, галлюцинация или, что еще хуже, – воздействие врага, хитроумная пропаганда, цель которой – заставить его сдаться, сложить оружие, покинуть поле боя. Все эти мысли едва успели пролететь в его голове, как двигатель его самолета был изрешечен пулями. Очувтившись в тишине заглушенного мотора, заполненной запахом льющегося из пробитых баков керосина, он силился понять, зачем он выпустил в воздух всю обойму. Проскользнув в переднюю часть кабины, он дотронулся до плеча пилота. Хлеставшая из разорванного горла кровь ясно давала понять: ему уже не помочь. Дотянувшись до штурвала, Георгий потянул его на себя, стараясь плавно выровнять машину, начинавшую сваливаться в пике. Высматривая подходящее для посадки место сквозь испещренное сетью мелких трещин стекло и валивший из моторного отсека едкий дым, он вновь отчетливо и ясно увидел на границе поля и леса силуэт девушки. Она изо всех сил удерживала с ним ментальную связь, чтобы довести его до окончательного выхода из ловушки, в которой он очутился, и не дать ей возможность снова схлопнуться.

Она видела, как исчезали и растворялись мелькавшие среди деревьев силуэты солдат, уходя по разъединившимся нитям полотна времени, пройдя насквозь через терявшую свою силу и власть над их душами западню. Закрыв глаза и подняв верх широко раскрытые руки, она держала в своих пальцах тонкие нити их судеб, сплетенных воедино, стараясь, как можно

бережнее распутать и разъединить их, выудив из хитросплетений спирали времени. Она чувствовала и видела, как многие из тех, кого она высвобождала, умирали в бою, но некоторые возвращались домой в том же времени и месте, в котором им не посчастливилось исчезнуть из реальности, «пропасть без вести». Она видела и различала, как в этом клубке переплетенных жизней и судеб ярким светом выделялась одна нить, при прикосновении к которой, по всему ее телу пробегал импульс, ставший знакомым за годы работы и обучения в конторе. Будто это Нить Жизни кого-то, кто давно ей знаком. Подцепив ее кончиками пальцев, Гайва стала вытягивать ее из этого клубка. Виток за витком, понимая с каждым своим движением, что именно эта нить и есть та основа, на которую намотались все последующие петли. Именно эта Нить Жизни была целью того мага, что создал для нее эту ловушку. Чем-то этот человек был значим для дальнейшего хода истории. Вот только чем? Через некоторое время, будто ведомый той нитью, что Гайва все быстрее и быстрее, выпрямляя, пропускала через свои руки, прямо к ней из темноты вышел весь испачканный сажей и грязью боец. В его глазах было невозможно что-либо прочесть: только опустошение и отчаяние. Увидев девушку, он остановился и окинул ее блуждающим взглядом. Он уже очень давно не видел ничего иного, кроме норовившего обрвать его жизнь врага. Он вообще не жил последние тридцать, или может, сорок, пятьдесят лет, потеряв счет времени в этой постоянной борьбе за иллюзорную победу. Он был мертв все это время, но теперь он знал, кто вернул его к жизни, и узнал ее сразу же, будто уже видел ее когда-то: в прошлом, или может быть, в будущем, – с этими петлями никогда невозможно сказать наверняка. Кивнув Гайве в знак приветствия и признательности, Георгий прошел мимо нее, с каждым шагом превращаясь в полупрозрачную тень, исчезающую за деревьями, возвращаясь в то время, из которого исчез, попавшись на приманку, созданную специально для таких, как он, не приемлющих иного результата, кроме победы.

Высвободившись из плена пространственно-временной петли, ему еще предстояло отчитаться перед командованием: и про весь боезапас, истраченный впустую, и про то, как ему удалось выжить, а пилоту – нет, и множество, множество других вопросов под пристальным взглядом какого-нибудь особиста, на которые можно было либо отвечать только правду, либо молчать. И в том и в другом случае, лучшее, что могло его ждать, – это батальон смертников, отправляемый на самые опасные участки фронта, а худшее – расстрел за дезертирство. Но пока он не думал об этом. Он шел по перепаханному взрывами снарядами, выжженному дотла полю, возвращаясь к своим, потому как даже смерть, если таковым будет решение его командования, будет для него лишь тем мгновением отдыха, о котором он уже не смел и мечтать. Он не знал и даже не догадывался, что освобождение из незримого плена и маячившая впереди казнь, – это только самое начало его истинного Пути. Ему посчастливилось остаться молодым двадцатилетним юношей, но пережитые события во временной петле, растянувшиеся на несколько десятков лет, оставили в его сознании неизгладимый след. И уже тогда во взгляде шедшего по разбитым войной дорогам мужчины можно было увидеть потрепанного жизнью старца. С тех пор никто не мог с уверенностью сказать, сколько ему лет, но впрочем, он и сам этого не знал.

Встретив недобрым взглядом и словом, его под дулами карабинов препроводили на допрос к тем, кто со всей самоотверженностью следил за выполнением приказа, делавшего невозможным любое отступление. По их мнению, он должен был либо умереть, либо увести с собой в могилу и врага. И то, что он вернулся, пройдя через невозможное, было для них предательством. Они не могли знать, через что ему пришлось пройти, чтобы выбраться из той передраги. Если, конечно, они сами не принимали участия в создании подобных ловушек. Как знать, как знать...

Не знала о том, на какую судьбу обрекла того, кого спасла, и Гайва. Будучи поглощенной работой, она не заметила, как пролетели сутки. Наконец, она обессиленно опустилась в рыхлый нетронутый снег рядом со свернувшейся в клубок у ее ног овчаркой. Все последующие дни похода прошли для нее, как в тумане. Она шла по ведущим ее нитям, распутывая все новые и новые временные петли, разглаживая и выравнивая неровности и складки пространственно-временного континуума. Эти нити и потоки шли через нее, и она видела, проводя их через себя, как расплетаются, возвращаясь на свои места, жизни тех, кого принято называть «без вести пропавшими». Однако, мало кому из них было суждено вернуться к своим семьям, – для них не осталось места в новой, уже сформировавшейся без них реальности. Но лучше умереть, чтобы иметь возможность родиться вновь, чем пребывать в плену большого воображения того, кто создал эти множества временных карманов, без единого шанса даже покончить с собой.

Гайва слушала их голоса, что пронеслись мимо нее обрывками фраз и исчезали вдали, не успев поведать истории своих жизней. Однако за ними фоном постоянно звучал неизменный голос. Он сопровождал ее постоянно, звучал вокруг нее, стараясь достучаться до ее сознания, поглощенного решением запутанной головоломки. Это был голос леса, уставшего от налипшей на него серой вязкой дряни; уставшего, как старый бродячий пес – от слежавшейся громоздкими колтунами шерсти. Получив шанс на освобождение и очищение, увидев и почувствовав того, в чьих силах было разрушить наложенное на него проклятие, лес и все его духи, от мала до велика, звали Гайву. Они все звали ее к тому месту, где сплетавшиеся между собой пространственно-временные петли сосредоточились в центральный узел нервных окончаний. То место, где можно было одним движением разрубить, разрушить и развеять по ветру все водороты времени разом.

Голос леса звучал во всем, что окружало девушку: он был в стволах деревьев и в их кронах, в пышном снеге и в скрывавшихся под ним гранитными валунами. Его словами переговаривались птицы на украшенных тяжелыми гроздьями ягод ветках рябины. Даже бездонное голубое небо вторило эхом его голосу. Он сопровождал девушку, наделяя силами, необходимыми, чтобы продолжать идти вперед, ведь она не ела и не спала уже несколько дней, находясь в постоянном круговороте энергетических потоков.

У каждого леса есть сердце, прислушавшись к которому, можно ощутить и почувствовать ритм его жизни и движения. Можно увидеть всю его историю, начиная с тех времен, когда он был единой структурой, в которой господствовала чистая магия Планеты. Увидеть, как его отделенные друг от друга части были вынуждены обзавестись собственными сердцами – малыми подобиями первоначального, уничтоженного уже неизвестно кем и неизвестно когда, Сердца. Как части цельной души, они откололись друг от друга, сохранив в себе при этом их общую память. Те участки планомерно уничтожавшегося леса, которым не удалось сформировать свое собственное сердце, быстро увядали и истлевали, превращаясь в заваленные буреломом болота и топи. Но у этого леса сердце было. Оно жило в тихой надежде, что однажды найдется тот, кто услышит его биение. Именно его – сердца – голос вел сейчас Гайву через занесенные снегом перелески и густые ельники, в которые с трудом проникал солнечный свет. Выйдя из сумрака вечернего леса на открытое пространство, начинавшееся за отвесно уходяв-

шей вниз каменной стеной обрыва, она увидела лишь расстилавшуюся перед ней непроглядную пелену облаков. Ей нужно туда. Она нужна там. Ее зовут.

Спустившись по обледеневшим выступам серого камня, Гайва прикоснулась к густому туману, окутавшему ее с несвойственной даже живому существу заботой и любовью. Не каждого путника, попавшего в его обволакивающие объятия, ждал такой же радушный прием, но к счастью мало кто отваживался углубиться в эту мглу настолько, чтобы потерять из вида очертания прибрежных скал. В глубине этого тумана, сквозь который Гайва шла по припорошенной снегом глади толстого прозрачного льда, таился безлюдный остров, единственными жителями которого были чайки. От тишины, повисшей вокруг, закладывало уши, и звук ее шагов, запутавшийся в плотной, как вата, пелене, не был слышен даже ей самой. Не ощущая времени, девушка шла с закрытыми глазами по поверхности замерзшего озера, полагаясь исключительно на свои внутренние ощущения. На то, что обычные люди называют интуицией. Но это была не интуиция, это было знание. И, ведомая этим знанием, перебравшись через нагромождение сбитых ветром торосов, Гайва вышла на узкую полосу прибрежной гальки. Завихрения потоков энергии на этом острове заставляли не только траву и деревья расти по направлению их неосязаемого движения, но и будто сам камень, когда-то давно извергаясь расплавленной лавой на поверхность земли, застывал в форме сходящихся на вершине острова спиралей. По образованным ими ступеням девушка поднялась на самый верх, оставив внизу расстилавшийся по ледяной глади туман. Она поднялась над верхушками карликовых северных сосен, оказавшись на парившем в густом воздухе клочке суши. Это здесь. Самое сердце леса. Сердце окутанного его хвойным мехом озера. Замершее в невесомости между бесконечной синевой неба и скрытыми от глаз водными глубинами, между сушей и водой, между небом и землей, оно ждало того момента, когда его наконец услышат и смогут выполнить его просьбу, освободить от сковавшей его паутины временных петель, мешающих жить и развиваться.

Почувствовав в себе движение потоков окружавших ее стихий воды, воздуха, земли и огня, она склонилась над серым гранитом, вглядываясь в его холодные, но полные жизни недра. Проникнув в них своим ножом, стараясь не повредить естественную природную структуру камня, Гайва нащупала и подцепила на лезвие плотный узел переплетений тягучих нитей, с которого, как раковая опухоль, гроздьями свисали многочисленные петли времени. Подтягивая его ближе к поверхности, Гайва сосредотачивала в себе силы для того, чтобы совершить финальный рывок. Убедившись в том, что ни в одной из пространственно-временных петель не осталось заблудившихся и потерявшихся душ, она резким распарывающим движением вскинула нож острием к небу, прочертив в воздухе сверкающую, прямую, как стрела, линию. Раскрывшееся за этим тонким, но затрагивающим все уровни мироздания, проходом ни чем не заполненное пространство, как вакуумом втянуло в себя чужеродные и чуждые этому миру структуры пространственно-временных петель. Они проносились мимо Гайвы, подымая физически ощутимый ветер, презрительно кидая ей в лицо комья снега и клочья тумана, но она не оставила им своим заклинанием выбора. Неумолимая сила, призванная и направленная в согласии с природой и стихиями, уносила прочь из этого мира созданные во времена магической войны ловушки, забирая их навсегда в пространства мира сопредельного. Сияющие ярким светом створки прохода, раскрывшегося от земли до самого неба, вспыхнули напоследок голубовато-сиреневым пламенем и схлопнулись с оглушительным грохотом, уничтожив любую возможность кому-либо из живущих, будь то случайные прохожие, или ищущие приключений на свою голову маги, угодить в замкнутые контуры ловушек.

Любой мир, в котором нет живых и, тем более, разумных существ, обречен на деградацию и постепенное саморазрушение. И тот мир, созданный Гайвой из остатков энергетических ловушек, предварительно очищенных от частей всех заблудших путников и воинов, тоже со временем истлеет и исчезнет окончательно. Отрезав ножом все нити, по которым можно

было бы восстановить связь миров – только что созданного, обреченного на погибель, и того, что стал на один шаг ближе к возрождению, избавившись от малой, но весомой части отягощавших его структур, Гайва, наконец, смогла выйти из транса и, спрятав в ножны клинок, оглядеться по сторонам.

– Так-так... Георгий, как тебя по батюшке-то? – покачивая кожаным сапогом в полумраке пустой комнате, поинтересовался облокотившийся на край стола офицер, и, пролистав папку с делом пилота в самое начало, продолжил. – Константинович. Георгий Константинович... Что-то знакомое... Вот скажи мне, где я мог тебя видеть?

– Нигде. – Отвернулся к небольшому зарешеченному окну Георгий.

– Ну, нигде, так нигде. Что делать-то с тобой будем?

– Вы сможете придумать что-то пострашнее того, что я уже пережил?

– Это ты – про ту писанину, что ты развел в своем рапорте? Да, за одно только это издевательство над здравым смыслом тебя следовало бы расстрелять на месте!

– Мне не о чем с тобой разговаривать. – Холодный и безразличный взгляд Георгия не выражал ни страха, ни испуга, ни злобы. Только спокойная уверенность в близком конце.

– Что это за бред?! – распалялся офицер, переходя на крик. Он и сам не понимал, что его так злило в очередном дезертире, но он уже не мог остановиться. Зачастую, именно такая реакция необузданного гнева и ярости свойственна любому, кто не готов увидеть истину, проявленную для единиц и скрытую от большинства. – Какие еще призраки? Что за аномальная зона!? И о каких петлях ты все время твердишь? Знаешь, на что это больше всего похоже?

– На что же? – Георгий безучастно разглядывал летавших за окном сизых голубей.

– На неумелую попытку скрыть вражескую диверсионную деятельность! – Офицер не сдержался, ударив кулаком по столу. – Говори! На кого ты работаешь!

– Я не понимаю, о чем ты.

– Все ты понимаешь! Кто подговорил тебя? Кому ты продался, фашистская сволочь!? – мужчина шипел, кипя от ярости.

– Я уже все сказал.

Схватив нож, висевший на поясе, офицер прижал руку жертвы допроса к дереву столешницы и вонзил в нее холодный бесчувственный металл, вспоров кожу и плоть между костями кисти. Но Георгий уже не чувствовал боли: после нескольких дней жесточайших пыток ему было уже все безразлично. У тех нелюдей, что готовы в каждом видеть врага народа, неумная фантазия на пытки: от известных еще в годы инквизиции раскаленных щипцов до обычных межкомнатных дверей, в которых очень удобно дробить пальцы.

– Отставить, офицер! – раздался спокойный мужской голос со стороны до боли знакомой Георгию двери в комнату.

– Есть, товарищ полковник. – Недовольно ответил тот.

– Выйти! – скомандовал статный, преклонных лет мужчина в кителе с неизвестными Георгию знаками отличия.

– Пронин Георгий Константинович? – осведомился полковник, когда взбешенный его вмешательством офицер скрылся за дверью.

Облизнув пересохшие от обезвоживания губы, летчик неохотно кивнул.

– Что же это за методы такие? – будто сам себя спросил старший по званию, со скрипом выдернув нож из испещренной трещинами поверхности стола, освободив истекавшую кровью руку. – Где они только берут этих радетелей за честь Родины. Мерзость какая!

Он передал Георгию свой платок, чтобы тот смог зажать кровоточившую рану, и, отбросив железку в сторону, продолжил:

– Ты прости его, если сможешь, эту крысу канцелярскую. Сосунки они все. Только от мамкиной титьки отняли, а все туда же... Не испытал он ни боли, ни страха, ни крови. Ни смерти тех, с кем воевал бок о бок, не видал.

– Так что же вы при себе таких паскуд держите? – сквозь зубы процедил Георгий.

– Всем все воздастся. Рано или поздно. Так или иначе. Об этом можешь не переживать. Переживай лучше о себе.

Георгий вжался в стул, прибитый к полу, поняв, что этот человек пришел отнюдь не для того, чтобы выволить его из заключения и избавить от пыток.

– Я внимательно прочитал твой рапорт. – Полковник многозначительно посмотрел на лежавшую на краю стола папку. – И у меня есть несколько вопросов. Нестыковки, которые я хотел бы уточнить у тебя лично.

– Я уже все сказал тому мерзавцу, что сейчас стоит за дверью и пытается подглядывать.

– Ты можешь видеть сквозь стены? – хмыкнул мужчина.

– Это мое предположение.

– Что же, проверим. – Ответил тот одними губами.

Взяв со стола карандаш, полковник стал вальяжно прогуливаться по комнате и, подойдя вдоль стены к двери, с размаху вогнал писчий инструмент в прорезь дверного замка. За стеной кто-то резко вскрикнул и упал на пол. Осмотрев окровавленный сломанный грифель карандаша, полковник продолжил разговор таким же спокойным тоном, как и прежде.

– Всем все воздается. Рано или поздно. Так или иначе. Не подглядывал, но подслушивал, и скорее всего это был висок. Посмотрим?

С этими словами он распахнул дверь и, увидев бившегося в конвульсиях человека с расползавшимся по щеке и голове кровоизлиянием, крикнул в пустоту коридора:

– Кто-нибудь! Заберите уже тело! Как видишь, наши методы жестоки, но справедливы. Надеюсь, ты не печалишься о смерти этого засранца?

Георгий отрицательно покачал головой.

– Так вот, – выдержав минутную паузу, продолжил полковник, – у тебя есть ровно два выхода. Первый: ты показываешь мне то, что не написано в рапорте. Второй... ну а второй, ты только что имел счастье наблюдать.

– Я уже все сказал!

– Именно поэтому я использовал другое слово.

– Показать? Но как? Мы же не поедем туда? Да я уже и не вспомню, где именно это происходило!

– Этого не требуется. – Полковник, несмотря на преклонный возраст, одним движением оказался за спиной у Георгия и, схватив за подбородок, запрокинул его голову назад, оборвав любые попытки сопротивляться. – Не рыпайся!

Второй рукой он обхватил его голову так, что указательный и безымянный пальцы плотно закрыли веки Георгию, вдавив глазные яблоки. Средний палец, изогнувшись, вонзился в центр лба, а большой – лег на самое его темечко. Откинув неуверенные попытки сознания Георгия сопротивляться, он проник своей, ставшей неосязаемой, рукой в самые глубины его памяти. Перебирая пальцами позвонок за позвонком, он скользил своим мысленным взором по позвоночнику молодого человека, игнорируя очевидные воспоминания, бывшие частью морока временной петли. Ему нужны были истинные воспоминания, истинная картина происходивших событий. Спускаясь, словно по ступеням, в глубину подсознания своего подопытного, он искал

дверь, что еще наверняка не успела закрыться. Даже если это и так, то он все равно ее откроет. На это просто потребуется чуть больше времени и сил. Не его собственных, разумеется, – сил Георгия. Пусть даже это будут его последние силы.

Он шел сквозь пустоту на звук, на запах, по ощущениям и, сделав резкое движение в сторону, успел подцепить своими жилистыми пальцами неслышно смыкавшиеся створки двери. Заблудиться в чужом подсознании – хуже, чем в своем собственном, тем более, если это подсознание настолько травмировано и изуродовано. Припомнив все, что он успел почерпнуть к этому времени о подобных случаях в книгах библиотеки, он широко распахнул дверь, и его лицо обдало морозным воздухом со снежной крошкой.

Она не видела, как вернулась домой. Дождавшись в обозначенном месте приехавшую за ней машину, она без памяти упала на пассажирское сиденье. А утром следующего дня она вновь была в конторе. Гайва шла по коридору к кабинету руководства, чтобы предоставить отчет о выполненном задании.

Молча просмотрев положенный перед ним на стол листок с кратким тезисным описанием событий, Наставник так же, не говоря ни слова, открыл запертый на ключ ящик под столешницей и извлек из него потрепанную временем папку пожелтевших бумаг. Порывшись в них, он передал Гайве соединенные массивной скрепкой листы.

В неровном прыгающем почерке можно было увидеть явное физическое и психическое истощение автора этих строк, но в том, что было в них отражено, Гайва в подробностях увидела события минувшего дня.

– Кто это написал? – Гайва в удивлении подняла глаза на своего Наставника.

– Один из моих Учителей. Почти полвека назад. И найти тебя – было его просьбой перед тем, как он исчез.

– Исчез? Но как?

– Никто не знает, и мало кто догадывается. Георгий Константинович не вернулся с задания. Но ни я, ни кто бы то ни было другой не видят его среди мертвых. Либо он решил отойти от дел и искусно замел свои следы, либо он попал в серьезную передрыгу и не может ни уйти из тела, ни вернуться к жизни.

– Ни жив, ни мертв, – задумалась Гайва, – как в легендах.

– Да, только это не легенда и не сказка. Скорее всего, его судьба нашла его спустя время, ведь ты вернула его из временной петли в ту реальность, в которой для него уже практически не оставалось места.

– И что же? Его вообще кто-нибудь искал?

– Время было жестокое, военное. У него практически не было родственников. От семьи его заставили отказаться. Задание было секретное... в общем, темная это история. Может быть, когда-нибудь мы и узнаем, что произошло на самом деле.

«Скорее! Сюда!» – их разговор был прерван истошными криками из коридора. В его дальнем конце из распахнутой настежь толстенной свинцовой двери шестеро молодых парней пытались вытащить бьющегося в конвульсиях мужчину. Их непрерывно тошнило, а из носа и ушей текла кровь. Те, кто был еще в силах, тянули его наружу за истлевавшую на глазах одежду. Наставник сразу же бросился к ним на помощь, приказав Гайве сидеть в каби-

нете и не высовываться. Подбежав к лежавшему без сознания человеку, он увидел, что тот судорожно сжимал в руке какой-то предмет из побагровевшего от времени металла, похожий на витиеватый скипетр, и отбросил его обратно в комнату. Одним движением выдернув с порога бесчувственное тело, ставшее в разы легче без своей бывлой ноши, он тотчас же захлопнул непроницаемую для большинства известных излучений дверь лаборатории.

– Врача! Быстро! – крикнул он в бесконечность коридора, пытаясь нащупать обожженными артефактом пальцами пульс на шее бедолаги. – Кто пустил его туда!? Это же, мать вашу, скипетр из скифской гробницы, пролежавший там черт знает сколько, может даже с предыдущей цивилизации! Никто не знает, как именно он работает!

– По крайней мере, теперь мы знаем, что без защиты к нему лучше не приближаться. – Прозвучал рядом с ним спокойный и безразличный голос. – Это был мой приказ.

– Да кто ты такой, чтобы здесь командовать? Девятый отдел не подчиняется никому, кроме...

– Вот я как раз из тех, кто «кроме». – Хитро прищурил глаз незнакомец. – И я вам приказываю. Сделайте так, чтобы его можно было использовать на благо нашей великой Родины. Приказ понятен?

– Предельно. – Огрызнулся Наставник Гайвы и, потирая горевшие от ожога пальцы, направился к своему кабинету, чуть не сбив с ног спешивших к раненному санитаров.

Втолкнув вовнутрь девушку, старательно прислушивавшуюся к происходившему в коридоре, он захлопнул за собой дверь и запер ее на ключ.

– Что случилось? – поинтересовалась Гайва, на что он недовольно промолчал. Однако через некоторое время, внимательно вглядываясь в открывавшийся за окном вид городских крыш, ответил:

– Нас в очередной раз ставят в позу прачки, вынуждая делать то, что противоречит естественному ходу событий. В первую очередь, нарушая баланс энергий и их обмен между мирами, не говоря уже о том, что цели, которые они преследуют, отнюдь не мирные.

– Что же они хотят?

– Этого тебе никто не скажет. Да что, ты на заданиях никогда не была? «Пойди туда, не знаю куда. Найди то, не знаю что». И так всегда. Конкретно в этом случае они хотят, чтобы мы активизировали древний артефакт и каким-то образом настроили его так, чтобы он полностью подчинялся их воле.

– Как же такое возможно!?

– С такими древними структурами можно только уважительно взаимодействовать с пониманием разницы уровней нашего развития. И ни в коем случае нельзя использовать вслепую.

Их прервал робкий стук в дверь.

– Тихо! Не хочу, чтобы сейчас тебя здесь видели. Кто бы это ни был. – Шепотом предупредил он Гайву, и они застыли в ожидании.

Через минуту в ящик для корреспонденции на двери плавно опустился узкий запечатанный конверт, и в коридоре послышались удалявшиеся шаги курьера. Стараясь не издавать звуков, Наставник подошел к двери и извлек из ящика письмо. Вскрыв конверт и ознакомившись с содержимым, он еле слышно выругался и бросил документ на стол.

– Приплыли! – ответил он на заинтересованный взгляд Гайвы. – Они ищут того, кто сможет совладать с этим артефактом. Учитывая, что больше чем у половины тех, кто доставлял его сюда и контактировал с ним до того, как его додумались экранировать, прослеживаются признаки той или иной формы отравления, это чистое самоубийство!

– Как же они планируют найти того, кто...

– Нам лучше закончить этот разговор. – Наставник сурово прервал ее. – Свободна!

Удивившись несвойственной для него резкой смене настроения, Гайва вышла из кабинета, а мужчина, перечитав листок еще раз, с досадой скомкал его и швырнул в стоявшую в углу

корзину. В его памяти проявлялись события его юности, когда он сам, будучи самонадеянным юнцом, ушел из родной деревни, чтобы в свои неполные шестнадцать погибнуть от вражеской пули на фронте Второй Мировой. Это было лучше голодной смерти в оставленной на произвол судьбы глубинке. Надеясь прихватить с собой на тот свет пару десятков вражеских солдат, он, соврав, что ему уже было восемнадцать, записался добровольцем.

Воспоминания уносили его вдаль, туда, где в узком промежутке между нависшими над городом тучами и горизонтом проглядывало закатное солнце. Такое яркое и вселяющее надежду на новый восход. Которого так не хватало тогда, когда он, послушавшись приказа командира, рискуя жизнью, прокрался незамеченным в стан врага и, перерезав всех до единого, расчистил отряду путь из окружения. Когда они вернулись к своим, он не мог вспомнить деталей той ночи. Им будто овладело неистовство. Вселившийся в него берсерк рвал и метал все, что стояло у него на пути. Позже он уже понимал, что спавшие в нем до поры магические способности дали тогда о себе знать, пробужденные непреодолимым желанием жить, наделив его недюжинной силой, подняв на поверхность забытые когда-то знания и навыки боевой магии. Первым от его руки пал дозорный, который почему-то принял его за безобидную лесную зверушку. Позаимствовав его окровавленную от перерезанного горла форму, он незаметной тенью в темноте ноябрьской ночи безжалостно уничтожил всех, кто преграждал ему путь к свободе. Вернувшись на свою позицию, он, не отдавая себе отчета, накрыл всех своих сослуживцев незримым куполом ментальной защиты и практически вслепую провел их по узкой тропинке между вглядывавшимися в темноту солдатами врага.

Этот случай не мог остаться без внимания, и уже через несколько дней его вызвали в центр. Существовавшая еще во времена царей и императоров магическая спецслужба, только начинавшая формироваться как существующий и ныне Девятый отдел, плотно взялась за расследование этого дела. Пройдя суровые тестирования на наличие магических способностей и не менее жесткое обучение, он вернулся на поля боевых действий, но отнюдь не тех, что описаны в исторических хрониках. Он с головой окунулся в пространство так называемой Магической Войны, той, что и определяла в конечном итоге физически проявленный результат: победу или поражение.

Методы проверки и обучения в реалиях войны в полной мере соответствуют жестокости эпохи, но они не идут ни в какое сравнение с тем, на что способно воображение магов в относительно мирное время. Будучи подкрепленными техническими новшествами и передовыми технологиями, такие тесты могли не только лишить жизни испытуемого, но и искалечить его, как физически, так и морально, и даже уничтожить душу, вывернуть ее наизнанку, расщепив ее структуру на атомы, превратив в пыль. И Наставник предчувствовал, что руководство подготовило для своих подчиненных, особенно тех, кто был завербован уже в послевоенное время, нечто, поражающее своей безжалостностью и цинизмом по отношению к любому живому существу. На его плечи, как наставника таких новобранцев, легло тяжелое бремя. В его руках были жизни тех, кого он много лет обучал всему, что знал и умел сам, всему, к чему сам пришел путем проб и ошибок, чтобы они их уже не повторяли. Он видел в них не расходный материал и пушечное мясо, как того требовали негласные правила, а живых людей, имевших право на собственное счастье и, в конце концов, на право выбора. Относясь к каждому ученику, как к своему ребенку, он бы себе не простил, если бы кто-то из них пал жертвой глупости и недальновидности тех, кому они были вынуждены подчиняться.

Единственное, чем Наставник мог помочь Гайве, – порекомендовать ей воздержаться от тяжелой, плохо усваиваемой пищи и практиковать медитацию выхода из тела чаще, чем обычно; постараться перестать чувствовать себя, как материальный объект, и, уходя в пространства нефизической реальности все дальше и дальше, научиться возвращаться к жизни, независимо от обстоятельств. Большого он не мог ей сказать. Не имел права.

Глава 4. Смерть ради жизни

Через неделю рано утром за Гайвой, как обычно, приехала служебная машина и, разрывая тишину спящего города, унесла ее в неизвестность. Предчувствовавшая опасность Вега скулила и жалась к ногам, но разрешения взять ее с собой не было, и девушке ничего не оставалось, кроме как захлопнуть перед ее мордой дверь, втолкнув не находившую себе места любимицу обратно в квартиру.

– Кто? – безразлично спросил грубый мужской голос из прорези в двери замаскированного ангара на заброшенной авиационной базе, куда ее доставили ближе к полудню.

Сопровождавший девушку водитель ответил кодовым словом, не имевшим никакого значения для стороннего наблюдателя.

Открывшаяся с характерными лязгающими звуками система засовов и щеколд, представила ее взору пустое и холодное пространство внутри железобетонного каркаса, освещенное расположенными по периметру тусклыми лампами. Вдохнув напоследок морозного свежего воздуха, Гайва шагнула в полумрак застоявшейся тишины. Чувствуя спиной, как запираются ворота ангара, ни единым мускулом не выдавая своей тревоги, она направилась к группе людей в белых халатах, накинутых на военную форму. Они стояли рядом с массивным металлическим столом и что-то бурно обсуждали, но, как только они заметили приближение девушки, тотчас же прервали свою дискуссию и впились в нее взглядами. Кто-то из тех, что был помоложе, даже присвистнул от удивления: нечасто к ним заходят столь обворожительные девушки. У одного из них даже выпала из рук папка с документами, и ворох исписанных листов разлетелся по полу.

– Что от меня требуется? – Гайва окинула суровым взглядом собравшихся.

– Только ваше присутствие. Только присутствие. – Резво ответил один из врачей. – Раз все на месте, давайте, за работу! Хоп-хоп-хоп! – он хлопнул руками, чтобы сбить со своих неопытных ассистентов оцепенение.

– Садитесь. – Спокойно продолжил он, когда все удалились, указав на холодный металлический стул рядом со столом, более напоминавшим операционный. – Нам нужно узнать несколько деталей о вашем здоровье и взять пробы крови и цитоплазмы, после чего вы будете свободны. Вы готовы?

– Да, пожалуй. – Ответила Гайва, уже не раз проходившая через подобные процедуры, хотя и не в такой угрюмой обстановке.

– Тогда давайте начнем. – Человек в халате взял блокнот и приготовился записывать. – Как ваше самочувствие?

– Без отклонений. – Холодно ответила девушка.

– Аппетит хороший? Живот не болит? – не обращая внимания на ее ответы, мужчина что-то фиксировал на бумаге. – Спите хорошо? Кошмары, галлюцинации не мучают?

– Ничего необычного не замечала.

– Замечательно. Тремор? Боли в суставах? Одышка?

– Спасибо, ни то, ни другое, ни третье.

– Хорошо. Ну, теперь давление измерим. Засучите рукав, пожалуйста. – Он пододвинул к девушке резиновую надувную манжету, а сам вставил в уши трубки стетоскопа. – У вас слишком медленный пульс. Голова не кружится? – Поинтересовался он после проведенных измерений. Гайва в ответ только покачала головой, а он продолжил. – Ну, еще разок измерим. А вены у вас хорошие: кровь удобно будет брать. Прямо сейчас это и сделаем.

Затянув жгут на руке чуть выше локтя, он извлек из эмалированного поддона на столе большой шприц, который был почему-то наполовину заполнен непрозрачной белесой жидкостью.

– Что это? – девушка настороженно отдернула руку.

– Для более точного проведения исследования мы должны избежать соприкосновения вашей крови с кислородом и металлами, поэтому в шприце уже присутствует лабораторный реагент, который позволит сохранить необходимую для анализа ваших ДНК среду. Не бойтесь, все совершенно стерильно.

– Хотелось бы верить. – Гайва недоверчиво вернула руку на стол.

Проведя несколько раз по внутренней стороне ее предплечья смоченным в спирте тампоном, мужчина подцепил кончиком заточенной иглы поверхность кожи и с легкостью проник внутрь набухшей вены. Внимательно наблюдая за ее реакцией, он медленно вытягивал поршень шприца, позволяя красновато-пурпурной жидкости вливаться внутрь и смешиваться с реагентом, обретая мутновато-грязный оттенок. Не испытывая какого-либо удовольствия от наблюдения за этим процессом, Гайва закрыла глаза. В это время, следивший за каждой ее реакцией доктор, не выдав себя ни единым движением, что могло ее потревожить, стал плавно вдавливать поршень обратно в шприц, вливая смешавшийся с кровью яд в вену девушки. Подхватываемая потоком крови смесь медленно, но неотвратно с каждым ударом ее сердца разливалась по всему телу, и когда Гайва открыла глаза, почувствовав слабость и головокружение, экспериментатору оставалось лишь вдавить остатки вещества.

Отпрянув от стола, на котором лежал ее локоть, Гайва попробовала выдернуть из вены иглу, но руки ее не слушались. Она с трудом встала на ноги, и тяжелый стеклянный шприц под собственным весом упал на пол, разлетевшись по полу дробью осколков. Гайва остановилась, стараясь взять под контроль свои конечности. Усилием воли она палец за пальцем сжала кулак и, ухватившись взглядом за лицо мужчины, двинулась к нему. «Что ты со мной сделал?» – вертелся в ее мыслях вопрос, но она не могла его озвучить. Что было сил, она зарычала на своего обидчика. Тем утробным звериным рыком, от которого неподготовленному человеку пришлось бы менять исподнее. Даже этот военный врач, на мгновение оторопев, вжался в спинку своего стула, но к этому времени к ним уже подоспели ожидавшие ассистенты и, подняв обездвиженное тело Гайвы за локти, уложили ее на стол. Они суеились вокруг нее, прикрепляя сдерживающие ремни и манжеты, фиксируя их на теле девушки так, чтобы она не имела возможности пошевелиться. Пытавшийся унять дрожь во всем теле, как после встречи с опасным хищником на охоте, врач, сжимал в руках блокнот для записей. На вложенном в него сопроводительном листке красными чернилами была выведена пометка: «Может оказать сопротивление. Перед процедурой обездвигнуть».

Гайва чувствовала, как ее беззащитное и беспомощное тело ворочали с одного бока на другой, снимая с нее одежду и прикрепляя к поверхности кожи датчики на вакуумных присосках. Они были на каждом пальце, запястьях и локтях, под коленями и вдоль всего позвоночника. Провода, тянувшиеся от них, уходили в узкую прорезь в центре стола и, спустившись на бетонный пол, змеиным потоком уползали прочь. Последним штрихом в этой пугающей картине были две острые спицы, с хирургической точностью введенные аккуратно между позвонками шеи и в область копчика. Когда ее тело, наконец, оставили в покое, ангар погрузился в звенящую тишину.

– Подключить напряжение. – Скомандовал тот же мужчина, что сделал Гайве парализовавшую ее инъекцию.

Сейчас он внимательно наблюдал через мониторы в контрольной комнате за состоянием испытуемой. Перед ним раскрывалась и детально фиксировалась в память электронно-вычислительной машины абсолютно вся информация об объекте: температура тела и кожных покро-

вов, электрическая активность мозга и артериальное давление, показатели кислотности и солевого баланса крови, и то, что интересовало экспериментаторов более всего: проводимость тела, определяемая разностью потенциалов на двух воткнутых в позвоночник спицах.

Момент, когда рычаг подачи напряжения пришел в движение, Гайва почувствовала всем телом. Неприятное ощущение внутренней щекотки нарастало и становилось невыносимым. Цифры на табло медленно увеличивались, и Гайва чувствовала, как по всему ее телу проходят электрические импульсы. Чувствовала, как ее тело сопротивлялось безликой, не несущей в себе ничего, кроме очевидной демонстрации силы и превосходства, энергии; сопротивлялось ее воздействию, но все же пропускало через себя увеличивавшийся по силе ток. Она хотела отрешиться от происходящего, выйти прочь из тела и не ощущать этого, наблюдать со стороны, как учил ее Наставник, тем самым, может быть, ей, убрав сопротивление, удалось бы уберечь внутренние органы от повреждений. Но тот яд, что ей вкололи, будто притягивал ее обратно, удерживая сознание включенным, тесно привязанным к структурам тела, заставляя различать каждую секунду все малейшие изменения в ее клетках, органах, костях. Те показатели, что наблюдавшие за ней люди видели на мониторах, она чувствовала и осознавала внутри себя. Оковы, сдавившие ее грудную клетку, создавали свое собственное электромагнитное поле, пробиться через которое было до невозможности сложно.

– Продолжайте, пока она не начнет отключаться.

И они продолжали, сами не понимая того, что подтверждают теорию о том, что если разрешить любому, сколь ни было порядочному и гуманному человеку безнаказанно причинять боль другому, то он будет это делать. И делать с удовольствием. В глазах экспериментаторов в каждый момент увеличения подаваемого напряжения можно было отчетливо разглядеть накатывавшее волнами садистское наслаждение.

То, что поначалу ощущалось, как свербящая щекотка, переросло в нестерпимое жжение. Изредка в полумраке ангара можно было различить пробежавшие по конечностям девушки разряды статического электричества. Ее сознание несколько раз делало попытки отключиться и не видеть, не ощущать и не чувствовать всего, что творили с ее телом, но те, в чьих руках она оказалась, хорошо знали, как заставить ее быть полностью включенной в процесс. Сведенные судорогой пальцы неестественно вывернулись, изогнувшись наружу, неконтролируемо сокращавшиеся мышцы трясли ее тело усиливавшейся дрожью. Когда напряжение возросло до предела человеческой выносливости, ее челюсти раздробили предусмотрительно втиснутый в зубы деревянный брусок.

– Больше она не сможет выдержать. – Предупредил кто-то обеспокоенным голосом.

– Подержите ее пока так. Пусть привыкнет. – Отдал распоряжение руководитель лаборатории. – Когда мы подключим импульс от скипетра, ее накроет еще больше.

Аппаратура выдавала зашкаливающие показатели, встревоженно сигнализируя всевозможными лампами, звуками, осциллограммами, отражавшимися в напряженных глазах возбужденных наблюдателей, о смертельной опасности для испытуемого.

– Ох и хреново же ей, наверное! Пульс за двести! Но ведь держится еще! Великолепный результат! – врачом стала овладевать эйфория, но он быстро вернулся к рабочему настрою. – Так, теперь, когда мы привели напряжение к значениям, сопоставимым с выдаваемым артефактом импульсом, можно переключить цепь непосредственно на него. «Подключить объект!» – скомандовал он в микрофон внутреннего коммутатора.

«Есть подключить объект!» – с шипением ответил динамик. Исполняя приказ, облаченные в тяжелые халаты из свинцовых нитей ассистенты в соседнем ангаре подключили перевезенный со всеми мыслимыми мерами предосторожности к месту испытаний скипетр к системе проводов, подсоединенных к телу девушки.

*Почувствовав выход из ловушки, в которой оказался артефакт после того, как его изъ-
яли из места своего пристанища без какого-либо на то права, по сути, выкрав, его энерге-
тическая структура хлынула в открытые перед ней каналы электрических кабелей. Сметая
на своем пути любой посторонний импульс, приводя в движение толстые канаты перепле-
тенных проводов, волна древней потревоженной силы ринулась к принесенной ей в жертву
девушке, нагой, распростертой и обездвиженной на операционном столе, как на алтарном
камне. Ворвавшись в ее тело, пронзив острыми иглами изможденные нервные окончания, эта
структура окунулась в неуловимо знакомое ощущение, которое окутало ее, сгладив острые
пики разрывающих пространство и плоть вибраций, смягчив изначальное желание и стремле-
ние уничтожить своих обидчиков. Та, что была отдана на растерзание, была точь в точь
в таком же положении, что и структура артефакта: они – заложники ситуации, и их
хотят использовать против их воли в целях, противоречащих тому, для чего они были созданы
и появились на свет.*

*«Я открыта перед тобой!» – почувствовав присутствие незнакомой сущности, поздоро-
валась Гайва. – «Кто бы ты ни был, ты можешь видеть мои мысли, сердце и руки». Встретив-
шись в бестелесном пространстве электромагнитных полей, они стояли, в нерешительности
глядя друг в друга: Гайва и сонмы заточенных в свою темницу существ – Темных и Светлых
Божеств времен Второй и Третьей Рас. Все стихло в ожидании развязки: либо артефакт
убьет ее, поглотив в себя ее душу, либо она подчинит его своей воле.*

Неизмеримые доли секунды, ставшие бесконечностью в мерцании взбесившейся аппа-
ратуры, оборвались звенящей тишиной. Стихло все. Погасли мониторы, и контрольная ком-
ната погрузилась в молчание. От неожиданности никто не мог вымолвить и слова. Не имея
возможности наблюдать за физиологическими показателями жизнедеятельности, эксперимен-
таторы даже не представляли, что творилось в тот момент внутри сознания девушки. Несмотря
на многолетний опыт испытаний и тестирования магов и людей со сверхспособностями, их
воображения и даже фантазии не могло хватить для понимания того, что сейчас происходило
за границей физической реальности.

*«Мы помним тебя и знаем, кто ты. Мы признаем твое Право, Аксайя!» – Существа,
заключенные в артефакте потянулись к Гайве. – «Помоги нам, и мы поможем тебе».*

Когда они прикоснулись к ней, Гайва почувствовала, что та нестерпимая боль, разры-
вавшая ее тело, отступила. Она смогла осмотреться и поняла, что сковывавшие ее тело путы,
потеряли свою власть над ней. Теперь она могла действовать осознанно, не подчиняясь воле
руководивших ею с детства структур. По крайней мере, сейчас.

«Дай нам возможность проявить свою силу через тебя».

*Гайва чувствовала, что те, с кем она сейчас общается, знакомы ей очень давно. Спорных
моментов в истории их взаимоотношений было немало. Кто-то охотился за ней в ныне уже
не существующих мирах, кого-то из них она собственноручно вела под Суд Совета Иерархий,
но здесь, в заточении чужих амбиций они все были заодно. Она ответила встречным движе-
нием, и память прошлого хлынула в нее, пробуждая знания о том, кем она была до рождения,
и кто она есть на самом деле. Она двинулась вперед сквозь темноту, с каждым шагом ощу-
щая более отчетливо, как резной металлический скипетр в ее руке разрезал плотную густоту
сотканного из вязких нитей пространства.*

– Что там, черт подери, происходит!? – не выдержал кто-то.

Внезапно оживший осциллограф показал вместо пульса ровную зеленую линию без
малейшего намека на жизнь.

– Нужно пойти и проверить ее на месте. – Предложил другой.

– Всем оставаться на местах! – скомандовал главный. – Наблюдать.

Скользя по проводам в сопровождении отряда стремившихся обрести свободу Древних Богов, Гайва Аксайя направилась к маячившему впереди тусклым светом выходу.

В помехах, испещривших экраны сошедшей с ума аппаратуры в контрольной комнате, можно было различить образы постоянно сменявших друг друга лиц, морды древних чудовищ и обезображенные гневом и болью фигуры звероподобных существ.

– Что за чертовщина происходит!? – лаборанты в недоумении стучали по коробкам мониторов в попытках привести их в чувство, но это не давало результата.

Приборы, предназначенные для обработки двоичного кода, не справлялись с натиском многомерных структур и один за другим выходили из строя.

Достигнув центрального блока управления, Аксайя оказалась в огромном зале. Он был очень похож на знакомую ей Библиотеку Лимба, которую она теперь отчетливо помнила, за тем лишь исключением, что в каждой своей детали он имел следы некоторой искусственности структуры, выразившейся в меньшей детализации изображения, если можно так выразиться. Его создатель хоть и был, судя по всему, чрезвычайно талантливым, но все же он был человеком, имевшим, ввиду своей человеческой природы, определенные ограничения в понимании масштаба разнообразия созданных и создаваемых миров и вселенных. Аксайя остановилась у входа в это пространство, обведя взглядом многочисленные полки со встроенными в них ячейками данных. Прикоснувшись своим взором к одной из них, она почувствовала, что в этих, похожих на соты резервуарах хранилась изъятая, или продублированная, если объект был еще жив, информация об особенностях, возможностях, способностях и потенциале тех, кто когда-либо в истории структуры магической службы проходил подобное исследование. Некоторые ячейки были пусты, но их было несоизмеримо мало.

– Что это такое? – неожиданно искренне для бестелесного существа удивился остановившийся рядом с Аксайей один из заточенных в артефакте Богов.

– Могу только предположить, – озадаченно ответила та, – что это хранилище, которое кто-то создал, чтобы держать под контролем таких, как мы.

– Таких, как мы, или таких, как вы? – он немного презрительно хмыкнул.

– Это не имеет значения. Если у тебя есть ДНК, а у тебя она тоже есть, то они тебя уже считали полностью, и вся информация, что раньше была частью лишь тебя одного, уже разложена на составляющие и покоится где-то на этих полках. – Аксайя указала взглядом на уходившие в бесконечность ряды стеллажей. – И в любой момент, когда им понадобится твоя, или кого бы то ни было из нас, сила, они без труда и зазрения совести воспользуются ей. А уж что они с твоей помощью натворят, – никому не известно. Хотя в конечном итоге, насколько я понимаю законы этого мира, отвечать за последствия их действий придется тебе.

– Тогда мы должны уничтожить это место! – он ринулся вперед, разрывая пространство своими горящими яростью крыльями, но оно расступалось перед ним, уворачиваясь от его атак.

Оно ему не противостояло и не пыталось противодействовать. Оно попросту его не замечало, настолько различны они были по своему энергетическому содержанию. Его выпады и удары проходили сквозь стенки ячеистых сот, лишь заставляя немного колыхаться заполнявшую их субстанцию. Аксайя тоже немного прошла вперед, скользя своими неестественно живыми для этого пространства пальцами по похожим на сейфы ящикам с зашифрованными буквенными и числовыми кодами на дверцах. Те ощущения, что проявлялись в момент касания, могли рассказать ей в десятки раз больше, чем сухие отчеты лаборантов с их цифрами и искусственными показателями. В этих ящиках хранились частицы души тех, кто когда-либо работал на девятый отдел. Через эти части велся непрерывный

контроль и управление теми, кто считался неприкосновенной собственностью государства, – людьми со сверхспособностями.

– Я пролетел довольно глубоко, но дальше все только хуже. – Сообщил запыхавшийся Бог. – Множество лабиринтов, переходов, настолько узких, что в них даже не заглянуть. Я чуть не заблудился.

Аксайя повернулась туда, куда указывал ее собеседник. Сжав пространство, она хотела разглядеть конец этого зала, но он ускользал от нее, теряясь в калейдоскопе бесконечности.

– Нет времени объяснять! Выдергивайте шнуры питания! – начальник лаборатории вышел из состояния транса, в котором он, как мог, ментально просматривал происходившие события. – Она может добраться до главного компьютера и уничтожить его!

Она рассматривала беспорядочно мерцавшие всполохи вдали, как вдруг они стали исчезать один за другим, превращаясь в зияющую пропасть черноты. И эта леденящая душу пустота становилась все ближе к ним с каждым мгновением.

– Обратно! В тело! – что было сил, крикнула Аксайя в беззвучном пространстве и кинулась прочь от надвигавшейся тьмы, увлекая за собой всех, кто по воле случая оказался с ней в одной команде. – Иначе нас распылят прямо здесь!

– Вы двое! Быстро реанимируйте ее! Вернувшись в тело, она не сможет навредить системе! Обесточьте все! – не унимался главный. – Сохранить главный блок компьютера – наша первоочередная задача!

Гайва не дышала. Ее обмякшие руки и ноги безвольно болтались в обвисших, растянутых кандалах, в то время как Аксайя в сопровождении древних сущностей летела по проводам, следуя по своим же следам обратно в тело, надеясь лишь не перепутать повороты.

Разряды дефибриллятора ни к чему не приводили. Гайва не подавала признаков жизни.

– Скорее! – закричала она, – вам нужно вернуться в свое вместилище, в скипетр, до того, как система будет полностью обесточена!

– Ну, уж нет. Мы слишком долго были в заточении, чтобы упустить данный нам шанс на свободу! – Переглянувшись друг с другом, всемогущие узники мощной волной вдавили Аксайю в тело Гайвы, вернув ее к жизни, чем изрядно удивили реаниматоров, оставивших свои неудачные попытки.

Очнувшись, Гайва осмотрелась и, никого не узнав, вновь опрокинулась в небытие, но на этот раз это был просто сон. Сущности, что теперь были в ней, затихарились на время, не выдавая себя ни действием, ни словом, ни импульсом, дав телу своей временной хозяйки восстановить силы.

– Что это, мать вашу, такое?! – в бешенстве неистовал представитель руководства, расхаживая взад-вперед по кабинету Наставника.

– Тесты проведены? Проведены. – Спокойным тоном констатировал тот. – Контакт налажен? Налажен. Все живы? Все живы. Что еще нужно?

– Да, но объект больше не выдает ни единого импульса! Мы протестировали его еще раз двадцать: в нем нет никакой магии! Теперь его в руки может взять любой ни черта не смыслящий в энергетике младенец, и ему ничего не будет!

– Вы разве не этого от нас требовали? – съехидничал Наставник.

– Да, отчасти ты прав, но где теперь его сила?! Столько лет поисков, и все ради того, чтобы в одночасье угробить труд десятков лучших умов Отдела. А многие из них, – он приблизился к Наставнику настолько близко, что практически дышал в его лицо, – даже отдали ради этого свою жизнь!

– Я постараюсь выяснить, что именно произошло. – Наставник был спокоен.

– Не нужно. Я уже отдал приказ, чтобы девочку допросили и выяснили, что она натворила.

Комиссиям, что проводили допросы, так и не удалось выяснить даже приблизительной картины произошедшего. Гайва из раза в раз твердила только одно: «Я ничего не помню». Даже попытки пробраться в ее подсознание и память не принесли никакого результата: ее слишком хорошо натренировали держать в тайне важную информацию.

Только когда выдался случай остаться со своим Наставником один на один, она шепотом произнесла:

– Мне нужно вам кое-что рассказать...

– Я знаю. Но не здесь и не сейчас.

– Покажи мне то, чему я тебя не учил. – На следующий день где-то в пригородных полях Наставник извлек из багажника два завернутых в брезент двуручных меча и протянул один Гайве. Коснувшись рукояти, она почувствовала, как за плотную кожаную обмотку взялись сразу все притаившиеся в ней до того момента сущности. Они смотрели через ее глаза и чувствовали через ее кожу, ощущая перед собой того, кто не был сильнее их энергетически, но в чьих руках была большая власть, как следствие наработанного годами Права. И он, держа в своих руках двуручник, обращался не к своей ученице, а именно к ним, чье присутствие сейчас ярко проявилось в изменившейся форме ее зрачков.

– Назови себя! – приказал Наставник.

– Я Гайва, – ответила девушка, невинно хлопая ресницами.

– Я обращаюсь к тем, кто прикрывается ею, как щитом! Назови себя! – голос мужчины звучал холодной сталью.

– Нас много и ты не знаешь нас. – Мгновенно переменившись в лице, ответила девушка переплетением утробных голосов.

– Я приказываю тебе! – Наставник крепче взялся за меч.

– Ты ничего нам не сделаешь. Тебе нас не убить, а если попытаешься изгнать, мы заберем с собой и тебя, и ее. Мы слишком долго были в заточении, чтобы отказываться от данного нам шанса на свободу.

– Ее тело не вечно. Разве такая свобода вам нужна?

- Ты можешь предложить что-то лучше? Твое тело развалится еще быстрее.
- Вы посягнули на то, что вам не принадлежит. Пусть вперед выйдет самый сильный из вас, и мы решим ее судьбу в честном поединке. Эти правила вам знакомы?
- Еще бы. Мы сами их создавали.
- Я жду!

Гайва могла только наблюдать. Ее тело не повиновалось ей, но она не могла позволить кому-бы то ни было причинить вред своему Наставнику. Она боролась изнутри себя, расталкивая и отстраняя столпившихся, как уличные зеваки, древних богов, которые еще недавно, когда от нее зависела их судьба, говорили ей о принятии ее Права. А сейчас, опьяненные вкусом пребывания в теле рожденного человека, они были готовы избавиться от нее, вернувшись в физическую реальность, но еще не вспомнившую себя до конца.

– Разойдитесь! Прекратите! Отойдите от него! Пожалуйста! – Гайва пробиралась сквозь окружившие место поединка силуэты, но все они были настолько увлечены происходившим, что не обращали на нее внимания.

Наставник, удерживая противника своим мечом на безопасном расстоянии, мастерски уворачивался от его выпадов.

– Прекратите немедленно! Я вам приказываю! – не выдержав, крикнула из всех сил девушка.

– Девочка? А ты, собственно, кто, чтобы нам приказывать? – усмехнулся тот, кто стоял напротив Наставника.

Оголив ряд острых как шипы зубов, он направил в сторону Гайвы острие меча. Ее собственного меча. Но ведь он только что был в ее руках! Она помнила, как, стоя на колене в свете факелов, озарявших красноватым светом каменный свод храма, она приняла меч из рук своего Наставника. Она помнила и чувствовала прикосновение к своим ладоням его холодной и острой как бритва стали, и тепло кожаных ремешков, обвившихся вокруг его рукояти. Чувствовала его, как продолжение себя, и в ее голове звучали слова Хранителя Ордена: «В будущем ты будешь делать вещи, которые мы сейчас считаем невозможными и невероятными, даже противоречащими законам того мира, что мы знаем сейчас. Но мы и сами считали когда-то невозможным то, что ты снова вернешься к нам...»

Гайва пристально посмотрела в глаза звероподобного божества, направившего на нее ее собственный меч, окинула взглядом всех толпившихся вокруг существ. Во всех ее воспоминаниях, которые могли когда-либо связывать ее с ними, она всегда чувствовала в своих руках, либо за спиной, свой меч, свою силу, свое Право. И они тоже не могли его не помнить.

– Вот именно! Ты никто! – Произнеся губами Гайвы, вспыхнув яростью огненных зрачков, божество резким движением, без какого-либо замаха, сделало выпад в сторону Наставника, целясь рубящим движением в область шеи.

Но мужчина вместо того, чтобы парировать удар, с силой вонзил свой меч в землю:

– Exorcizamus te, omnis immundus spiritus, omnis satanica potestas, omnis incursio infernalis adversarii... – Наставник впечатывал каждое слово выведенной в далеком пятнадцатом веке формулы экзорцизма.

– Ты действительно считаешь, что можешь нас так просто взять и изгнать? Но мы не бесы, которых вы сами напридумывали, и не дьяволята, чтобы можно было уничтожить нас бормотанием рифмованных строк. – Засмеялась Гайва переплетением голосов божеств, которые не заметили, как для них внезапно замедлилось время, ставшее густым и вязким, как расплавленное стекло.

– ... omnis legio, omnis congregatio et secta diabolica, in nomine et virtute, Domini Nostri... – не прерываясь, продолжал отчитывать Наставник, концентрируя вокруг себя энергию пространства и времени, открывая проход между мирами.

– ...*Imperat tibi Deus Pater, imperat tibi Deus Filius, imperat tibi Deus Spiritus Sanctus...* – шепотом стала повторять Гайва, чувствуя, как с каждым словом обволакивавшая ее тьма отступала, позволяя дышать полной грудью.

Она могла различить в полумраке вечерних сумерек, как на остром лезвии ее меча искрился свет далеких, и почему-то таких родных звезд. С каждым бликом на гранях клинка двуручника Гайва все более отчетливо вспоминала и понимала свою забытую суть. Гайва закрыла глаза, и в этом замершем, остановившем свой ход, времени ее память мгновение за мгновением возвращала ей знания о себе самой. Начиная от того, как она оказалась в поезде Вильнюс – Ленинград в теле маленькой девочки, и продолжая путешествиями по мирам, что подавляющее большинство рожденных называет потусторонними, вкладывая в это слово все, что угодно, но только не то, что есть на самом деле. Она вспомнила, как неосязаемый ветер на границе миров развеивал ее волосы и легкую белоснежную рубашу, заправленную за широкий пояс с дюжиной метательных ножей. Она чувствовала свое тело совершенно по-новому: невесомое, но такое же энергоемкое, как одна из тех далеких звезд.

Гайва сделала шаг вперед и почувствовала на своих ногах высокие кожаные ботфорты, закрывавшие колени. Она шла по снегу, едва прижимая его верхний пушистый слой и не ощущая холода, несмотря на легкую одежду.

– Я, Тейя Аксайя, приказываю тебе, Итерион, отойти и вернуть мне мой меч! – она не успела договорить, как в ее ладони материализовалась знакомая рукоять.

– Как ты узнала мое имя? – в недоумении тот развел пустыми руками.

– ...*Deus qui potestatem habes donare vitam post mortem, requiem postlaborem...* – продолжал Наставник

– ...*Per Christum Dominum nostrum. Amen!* – подойдя и встав таким образом, чтобы Божество оказалось между ней и Наставником, Гайва Тейя Аксайя вонзила свой меч в землю, создав вторую точку опоры портала. Теперь он представлял собой две спиралевидные нити, проходившие через оба клинка и исчезающие в высоте, сплетаясь в тонкий жгут за пределами земного пространства, раскрываясь там широкой воронкой пространственно-временного перехода.

– *Вы не можете просто взять и уничтожить меня и всех нас.* – Итерион будто возмущался о пощаде.

– Да успокойся ты! Никто не собирается тебя убивать. Ты грешил о свободе? Так приглядишься: вот она твоя свобода! – откликнулся Наставник, дочитав до конца заклинание. – Ты так разнервничался, что забыл, как работают истинные Инквизиторы? Ты можешь идти домой, в свой мир, из которого тебя когда-то выдернули формулой призыва.

– Я очень давно не был дома. Я даже не знаю, жив ли кто-нибудь из моих родных.

– Вот и узнаешь. – Тейя легонько подтолкнула его к стремительному вертикальному потоку света. Шагнув в него, тот исчез, разлетевшись на множество частиц, чтобы преодолеть по воле рожденного барьер пространственно-временного континуума, вернуться туда, где сможет обрести свое собственное воплощение.

– Следующий? Есть желающие вернуться к своим? – Наставник задал вопрос разношерстной толпе сгрудившихся вокруг сущностей и, получив положительный ответ, скомандовал: – В очередь! Подходи по одному!

Цепочка желающих растянулась на несколько часов. Одни с благодарностью делали шаг к своей свободе, растворяясь в переливавшемся потоке порталного огня. Другие, не видя альтернативного исхода, шли по проложенному для них пути, грозясь вернуться и проучить. Но последние трое в нерешительности остановились перед открытым проходом.

– Ну же! – окликнули их уставшие от удерживания энергетической структуры перехода люди.

– *Нам некуда идти, – сущности потупили взгляд, – у нас нет дома...*

– Вы можете вернуться в скипетр или продолжать находиться в Тейе, если заручитесь ее согласием. – Ответил Наставник.

– Но знайте, если вы снова попытаетесь завладеть моим телом, вам не поздоровится.

– *Вы можете не беспокоиться об этом, Госпожа, – обратились они к Тейе. – Вы нас не помните, но мы узнали вас сразу. Дело в том, что мы родились и погибли вместе с вашей планетой. Планетой Тейя.*

Гайва вопросительно перевела взгляд на своего Наставника.

– Вот так живешь и не знаешь, а у тебя уже где-то дети есть... – замялся тот. – Ладно, забирай этих себе, раз они утверждают, что ты их сотворила, и закрываем лавочку.

– Я сотворила?

– Да, Гайва Тейя Аксайя. Пока ты еще многого не вспомнила, но если все пойдет такими темпами, то довольно скоро ты станешь Магистром.

– Но я не хочу им быть! – девушка понимала, что жизнь Магистра Ордена отнюдь не сахар, даже по сравнению с тем, через что ей приходится проходить сейчас.

– Главное – расслабиться и получать удовольствие. – Устало пошутил наставник и, вынув меч из земли, побрел к машине. – Ты вспомнила свое истинное имя, а значит, обратного пути уже нет.

– Как понять, куда этот путь ведет? И какое направление обратное? – спросила девушка, когда они сели в машину.

– Всегда слушай свое сердце. – Мужчина пожал плечами. – Оно не врет.

– Если сердце говорит мне, что то, чем я занимаюсь, – зло? Что мне делать?

– Признаться, я и сам не раз терзался подобными рассуждениями. Но меня всегда возвращали к действительности слова одного из моих Учителей: «Нет абсолютного зла, как и не бывает абсолютного добра. Не существует только черного или только белого». Понимаешь, о чем я?

Гайва кивнула головой.

– Тебе может быть не по душе то, что ты делаешь, но всегда важно помнить о конечной цели. Той, ради которой ты все стерпишь. – Наставник перешел на шепот.

– Вот этого я как раз и не понимаю. – Гайва уставилась в окно машины. – Нас используют. Нас пытаются, на нас ставят опыты. А что взамен? Мы должны беспрекословно слушаться и выполнять их приказы, не имея даже представления о том, какова их истинная цель?

– Наша основная цель – сохранить знание о магии для будущих поколений.

– А кто их будет использовать, и в каких целях? Вот вопрос.

– К чему ты клонишь? Пристально посмотрел на нее Наставник, остановившись перед светофором.

– Тотальный контроль. Орден не может выполнять свое предназначение под тотальным контролем кого-то сверху, отвлекаясь на предоставление магических услуг для государства. – В голосе Гайвы звучали нотки осознания и принятия своей силы и Права.

– Я бы с радостью тебе возразил, но, к сожалению, не могу этого сделать. – Наставник тяжело вздохнул. – У тебя есть какое-то конкретное предложение?

– Вы знаете, что происходило со мной, когда... – Гайва замолчала, сдерживая подступивший к горлу ком злости.

– Нет, мне показали только часть отчета. – Ответил Наставник.

– Я видела библиотеку, хранилище, резервуар... не знаю, как еще это назвать, но в этом хранилище есть все мы. Не только наша группа, или отдел. Нет. Там есть информация, и хранится большая часть энергии тех, кто имеет хоть какую-то силу или представление о магии. Даже если он только родился. И я чувствую, что это место нужно уничтожить.

– Как оно выглядело? – вопрос Наставника звучал так, словно он знал, о чем идет речь.

– Как уходящий в бесконечность коридор, выстроенный из подобия электронно-вычислительных машин, только вместо проводов – трубки и колбы с переливающимся разными цветами содержимым.

– И из чего ты сделала вывод, что это хранилище – база данных обо всех нас?

– Я дотронулась до одной из тех колб и почувствовала, что-то, стоящее за всем этим. Оно притягивает к себе, как магнит, концентрирует информацию о нас и, полагая, использует всех нас.

– Не исключено. – Задумался Наставник, напряженно вглядываясь в полотно возникавшей перед ними из темноты в свете фар дороги. – В одном из расшифрованных посланий от Высших, я читал в архиве, упоминалась структура упрощенного энергоинформационного поля планеты. Такая своеобразная модель истинной ноосферы, предназначенная для подготовки человечества к взаимодействию с ней на более высоком уровне. Предполагалось, что каждый рожденный будет априори иметь доступ к содержащейся в этой модели информации, дополнять ее, расширять и, разумеется, использовать ее в соответствии со своими задачами. По-видимому, дальше Девятого отдела это послание не ушло. Это знание посчитали недопустимым для широкой общественности, и оно осталось доступным только для узкого круга посвященных. Нашим мастерам за несколько лет удалось выполнить указание руководства, – материализовать доступ к этой модели, сделав его возможным для не-мага посредством электронно-вычислительной машины – компьютера, собранного в одной из наших лабораторий. Самих умельцев, разумеется, уничтожили, а доступ к информации остался только у верхушки... Впрочем, это всего лишь мои догадки. Но то, что этот компьютер существует, и его могут использовать для контроля и управления нами и людьми – весьма вероятно.

– Если мой Путь – это жизнь под контролем, работа на кого-то, кто возомнил себя хозяином этого мира, то я не хочу идти по такому пути.

– Что, если твой Путь и состоит как раз в том, чтобы ни ты, ни я, ни кто бы то ни было другой не жил под управлением этих структур? – заговорщицки поднял бровь Наставник.

– Так просто? – от удивления Гайва чуть не вскрикнула.

– С одной стороны да, просто. Но с другой стороны, всем, кто в этом заинтересован, мне, тебе, в частности, для того, чтобы это сделать, нужно каким-то образом найти источник силы и энергии, одновременно достаточный для наших целей, и неподконтрольный тем, против кого нам предстоит действовать. Нужно будет понять, как работать с ним, но при этом использовать это знание и силу скрытно до самого последнего момента, когда исход противостояния будет уже решен. И это пока непосильная задача.

– Судя по всему, как результат этой борьбы, мы либо достигнем желаемой цели, либо погибнем.

– Ситуация осложняется тем, что ты уничтожила артефакт...

– Боги сами его уничтожили, уйдя из него.

– Это не важно. Теперь он не работает, и командование три шкуры с тебя сдерет, чтобы компенсировать его отсутствие. Ведь они считают, что ты выпила его, полностью впитала его силу.

– Но это не так!

– Да, но это нам отчасти на руку. Я могу только предполагать, но, вероятнее всего, они постараются вытащить из тебя тех древних богов, что были заточены в артефакте и которых в тебе, разумеется, нет. И пока они будут это делать, у тебя будет время отыскать свой внутренний, истинный – называй, как хочешь – источник силы. Не забудь только его замаскировать, чтобы они не вычислили его. Я думаю, ты поймешь, как это сделать. Главное: о чем бы тебя ни просили, ни заставляли, ни провоцировали сделать, всегда помни и держи в голове свою основную цель. Делай все, что нужно, чтобы каждую секунду становиться на несколько шагов ближе к ней. – Закончил Наставник, остановив машину у двери ее подъезда.

– Но почему вы поддерживаете меня и не отговариваете от этой идеи? Ведь это же предательство тех структур, под покровительством которых вы обучались, работали и жили?

– В каждом своем действии помни об истинной цели. Запомни это. И да, можешь считать, что когда ты впервые появилась в моем учебном классе, я почувствовал, что моя цель близка, как никогда. – Подмигнул Наставник. – Но знай: никому ни слова.

– Зажми трубку зубами и не выпускай, пока гипс не схватится. – Дав последние рекомендации, Наставник продолжил уже полупрошептом. – Предполагается, что ты отправишься на поиски божеств из артефакта и вновь установишь с ними контакт, а наши Охотники – он тайком покосился на дверь, – почувствовав их резонанс, по одному вернут их обратно в подготовленный для них сосуд. Но ты помнишь, что нужно делать. А я – буду рядом, как договаривались.

Гайва моргнула в знак согласия. Она лежала на дне неглубокого деревянного ящика, сбитого из плотно подогнанных досок и установленного на пьедестале по центру комнаты. Из одежды на ней был только колпак, прикрывавший волосы и защищавший жизненно важные органы чувств и узкая полоска ткани в паху. Как только она закрыла глаза, ящик стал заполняться теплым, и потому практически неосознаваемым, густым раствором гипса. Затекая под колени, поясницу и плечи, он создавал своеобразную подушку, приподнимая обнаженное, покрытое слоем масла, чтобы гипс не прилип к коже, тело девушки над поверхностью дощатого дна. Обволакивая и окутывая конечности, масса жидкого мела сдавливала ее со всех сторон, затрудняя дыхание, и, в конце концов, сомкнулась над ней непроницаемым саркофагом. Около трех дюймов гипса отделяло Гайву от окружающего мира, и только тонкая резиновая трубка, позволявшая неглубоко дышать, соединяла с ним. Впереди ее ждало двадцать четыре часа неподвижной беззвучной темноты.

Танатотерапия – энергетическая практика, испокон веков используемая шаманами и жрецами. Погружая свое тело и сознание в состояние близкое к состоянию перехода, смерти – *Θάνατος* (Танатос), – они оказывались на грани миров и времен, обретая возможность путешествовать по своим следам в предыдущие инкарнации. Задавшись целью получить ответы на свои вопросы, они безошибочно находили именно те воспоминания и реальности, в которых пребывали необходимые им знания, информация и сила. Однако, не имея четкой цели, отправляться в подобное путешествие категорически запрещено. Идея, цель и намерение создают вектор, траекторию нашего движения в пространстве-времени. Без них люди, в большинстве своем привыкшие мыслить и чувствовать трехмерными категориями, потеряются в многомерных пространствах за границами нашей реальности.

Сейчас танатотерапия претерпела множество изменений. Ее отголоски слышны в регрессивном гипнозе, парапсихологии и тренингах личностного роста. Особо любопытствующие имитируют обряды погребения, но, к сожалению, или к счастью, лишь немногие из тех, кто называет себя Учителями, могут провести эту процедуру правильно. Ведь дело не в том, где именно ты лежишь, а в том, куда ты при этом идешь. Не зная, куда идти, можно и не вернуться.

С другой стороны, каждый находит учителя по себе, и кому-то, чтобы что-то поменять в жизни, может и нужно разок не вернуться. Кому-то необходимо просто полежать в гробу,

присыпанном землей, чтобы понять, что жизнь, как единица времени, конечна, и действовать нужно прямо сейчас, в настоящем. А кто-то ищет ответы, которые сможет дать только сам себе, но в другом времени и месте, при других обстоятельствах. В каком-то смысле танатотерапию можно было бы сравнить с некромантией, ведь и там и там, поднимается из небытия энергия умершего. За тем лишь исключением, что в первом случае эта энергия есть не что иное, как оставленные в прошлых жизнях части души самого человека, совершающего это путешествие. И, приняв их в себя, мы можем вспомнить многое.

Наставник был из тех Учителей, кто знал, куда отправляет своих подопечных. Он и сам бывал там не раз и возвращался обратно в этот мир. Хотя, варианты были...

У Гайвы вариантов не было. Подсыхавший гипс сковывал ее тело, лишая возможности двигаться и дышать полной грудью. Даже микродвижения пальцев и мимических мышц были полностью исключены. Темнота, в которой она оказалась, давила физически и постепенно остывала, погружая девушку в состояние анабиоза. Она не чувствовала боли задеревеневших конечностей, не воспринимала дискомфорт пронизывавшего до костей холода. Дыхание стало настолько поверхностным, что тонкая дыхательная трубка, выходящая наружу, не издавала ни звука. И через час, когда отчаянная борьба между пониманием цели и инстинктом самосохранения была окончена, ее сознание было уже далеко.

Оставив Врата Лимба позади и отправив детей планеты Тейя на поиски богов из артефакта, Аксайя устремилась к тропам мертвых. Они соединяют между собой каждую жизнь в воплощении, как нити связывают бусины друг с другом. Перед ее взором появлялись и исчезали картины недавнего прошлого: испуганный взгляд насильника в подьезде и беспристрастный – ее Наставника, когда он пришел за ней впервые; рождение в пылу сражения и детство, проведенное в борьбе с инвалидностью. Следуя за этой нитью, уходившей в темноту, Аксайя увидела и то, как ее готовили к рождению. Меч, покоящийся в ножнах, отставлен в сторону. Одежда и легкие доспехи лежат у ее ног, только что снятые с нее ангелами, чтобы одеть ее в полупрозрачный саван. Аксайя наблюдала за происходившим и со стороны, и изнутри событий. Она приблизилась к тому моменту воспоминаний, когда властная рука незримого существа накладывает на каждого идущего в рождение так называемую «печать забвения». Время памяти, идущее вспять, обратило действие печати, озарив Аксайю яркой вспышкой света и красок воспоминаний о том, что было, и кем была она задолго до того, как родиться в этот раз. Ее со скоростью света пронесло по лабиринту разбросанных во времени инкарнаций. Она чувствовала, как сквозь нее пролетали каменные стены монастырских укреплений, возрождаясь из пепла и исчезая в руках каменотесов в оставшемся за спиной будущем. Аксайя увидела и прочувствовала, как за время неисчислимых перерождений ей довелось не раз побывать и в теле деревенской ведьмы и исполнять обязанности придворного колдуна, быть самим императором и служанкой в трактире, наемником на большой дороге и жертвой грабежа, инквизитором и ведьмой, принцессой и драконом. Другими словами, она была всем и каждым, чтобы суметь пройти все уроки и этапы обучения, чтобы иметь Право больше не рождаться. Прикасаясь к каждому из воспоминаний, она чувствовала, как к ней присоединяются, встраиваясь в структуры ее сущности, части ее души. Но в какой-то момент круговорот образов и воспоминаний оборвалась тишиной, пустотой беззвучного космоса в мерцании далеких звезд.

В этом безмолвии, через некоторое время Аксайя стала различать чей-то едва узнаваемый голос, который сопровождался столь яркими образами, что его нельзя было игнорировать.

«Я долго шел к этому. Я искал тебя во многих мирах и пространствах между ними. Я летел на огненных крыльях через скованные льдом пустыни, нырял в глубокие, окутанные мраком бездны, лелеял надежду увидеть за каждым следующим поворотом твой взгляд. Но тебя там не было...

...я стучался во все двери. Заходил с поклоном во все Советы Иерархий известных мне вселенных и галактик, но все Старейшины отводили свой взгляд, слыша из моих уст твое имя. Но я знал, что ты жива.

Я прислушивался, стараясь уловить в звенящей пустоте космоса биение твоего сердца. И я услышал его. Вдали от межзвездных путей, на отшибе Вселенной мерцающей точкой пульсировала твоя Искра. Среди сотен тысяч подобных планет, что покупаются и продаются, расходятся по рукам как разменные монеты, ты выбрала именно эту, чтобы родиться. Значит, в этом есть смысл. Значит, именно здесь ты нужна больше, чем где бы то ни было. Но что есть в ней такого, ради чего ты жертвуешь своей свободой? Ты давно стала Богом, пройдя все уроки воплощения! Какое тебе дело до обреченной на погибель планеты, которую те, с кем мы когда-то учились вместе, выпили до дна?

– Идем со мной! Я так долго тебя искал. – Сказал тебе тогда я и тихо обнял за плечи.

– Нет. – Ты отвернулась. – Я не могу.

– Почему?

– Ты обязательно меня когда-нибудь поймешь. – Прошестели твои губы, когда мы, встретившись на мгновение у тонкой грани между сном и явью, были вынуждены вновь расстаться.

От понимания мимолетности нашей встречи все мое естество пронзила терпкая горечь. Но я принял свое решение. Я откажусь от своей свободы и буду рядом с тобой. Пусть даже на охваченной болью планете. Оставив за спиной все, что могло мне помешать материализоваться в физическом теле, я начал свое падение. Сначала это был привычный для меня полет, но через несколько мгновений я понял, что мне осталось только наблюдать за тем, как где-то наверху остаются, отрываясь от меня, части моей души, структура которых несовместима с пространством планеты. Но, даже лишившись их, я оставался во много тысяч раз больше, чем та форма жизни, в которой планета была готова меня принять. Я чувствовал, как гравитация и атмосфера сдавливали меня со всех сторон, спрессовывая мои структуры в плотную физическую оболочку. Пролетев кометой, огненным вихрем над пеплом выжженных лесов, я рухнул в глубокую лоцину.

Мне потребовалось несколько дней, чтобы полностью собрать из острых осколков свое, как мне казалось, очень хрупкое и уязвимое тело. В любом из иных миров, такое падение не причинило бы мне и сотой доли той боли, что я испытал тогда. Но это была не боль от неудачной посадки. Она изливалась будто изнутри, и переломанные конечности были лишь поводом для ее проявления.

Процесс регенерации только завершался, когда ко мне пришли странные человекоподобные существа, больше походившие на животных-падальщиков. Они попытались забить меня камнями, но их орудия не причинили мне вреда, и они в страхе убежали. Примитивные создания. Чего еще ждать от планеты на отшибе мироздания. Мне не составило труда их выследить, и они привели меня прямо к тебе. Ты сидела у порога хижины, сплетенной из прутьев, и пыталась объяснить жестами одному из существ, как добыть огонь. Руки существа были будто онемевшими или парализованными, его пальцы почти не двигались, но, несмотря на неудачу за неудачей, ты терпеливо и настойчиво продолжала обучение. Я остался, чтобы помочь тебе, присматривать за этими существами, но мной с каждым днем все больше

овладевала тоска по родному дому. И однажды эта тоска стала невыносимой, и я спросил у тебя:

– Зачем ты заботаешься о них? Уже несколько десятков лет мы пытаемся обучить этих животных хоть чему-то полезному, но это не приносит ровным счетом никакого результата! Зачем тебе это?

– А ты не узнаешь их? – ты удивленно посмотрела на меня.

– Кого я должен в них узнать?

– Ты не понял, на какой ты планете.

– Какая-то экспериментальная планета. Таких – миллионы. Нет, может быть, она тебе чем-то дорога, но поверь, – из этого ничего не выйдет!

– Эта планета... – слезы брызнули из твоих глаз, – это Гайя.

– Да нет же! – отмахнулся я. – Я очень хорошо помню Гайю! Я на ней вырос. Мы на ней выросли! Я очень хорошо помню ее сверкающее бирюзой небо и многомерные пространства реальностей; ее города – колыбели воплощения непостижимых разуму идей; ее нетронутую девственную природу! И самое главное – Гайя была в центре мироздания! На пересечении основных торговых и энергетических магистралей! А сейчас, – посмотри в небо: оно пустынно! Ни одного корабля! Ни единой звезды!

– Это. Гайя. – Шепотом повторила ты, уставившись в костер. – А эти существа, – люди.

– Но как!? Люди!? Мы с тобой были людьми! Помнишь? Мы были почти всемогущи! Что произошло?

– Почти сразу после нашего выпуска из Школы Демиургов, Гайя подверглась жесточайшему удару. Человечество было предано на всех уровнях: от Вселенского, до генетического. Гайю хотели уничтожить, направив планету к светилу, но я успела оттолкнуть ее подальше. Так она оказалась здесь, на задворках вселенной. К сожалению, генетический код людей очень сильно пострадал, оборвались нити, удерживавшие связь с Творцом. Силы, знания, права и способности покинули людей, и они стали больше походить на животных. Теперь ты понимаешь, почему я здесь?

– Значит, это и есть наша Гайя? – я окинул ничего не видящим взглядом простирившийся до горизонта пепел. – Что же делать?

– Я делаю все, что в моих силах. – Ответила ты, и мы оба замолчали, продолжив выполнять свою работу, крепко стиснув зубы, потому что от разрывавшей нас боли нам хотелось кричать.

Несколько сотен лет непрерывного и упорного труда дали свои плоды. Люди научились говорить и готовить пищу. Но это было явно не то, на что мы рассчитывали. Мы были готовы опустить руки и сдаться. Но у нас появилась идея.

– У тебя же есть Искра?

– Разумеется! Как и у тебя!

– Как считаешь? У нас хватит сил, чтобы в слиянии наделить каждого, кто должен быть рожден человеком на этой планете, его собственной Искрой?

– Хватить-то хватит. Но что тогда станет с нами?

– Мы продолжим быть в каждом, кто родится на этой планете. Потом они смогут приумножать и создавать новые Искры и передавать их своим детям. А наши с тобой Искры по частям вернутся к нам. Да, на это потребуются много времени, но если мы хотим возродить свой Дом, – это единственный возможный вариант.

Пылая изнутри, мы прикоснулись друг к другу и, вспыхнув ослепительным пламенем, взмыли вверх, рассыпавшись звездным фонтаном Искр тех, кто родится в наших подопечных.

Они не ведали, кто их возродил, и потому, блуждая в поиске истины, они нашли себе новых Богов для поклонения, что стерли в них воспоминания о нас. Нас обогнали, сказав

людям, что мы их покинули. Не видели они и не знали, что частицы Богов были и есть внутри них самих. Мы слишком долго искали друг друга и свой Дом лишь для того, чтобы найдя, потерять вновь. Мы не просили людей ни о чем. Мы просто хотели возродить свой Дом. Мы дали им шанс быть разумными, но они продавали наши части, убивая себя и воюя из-за безделиц. Мы слишком долго блуждали во тьме и забвении. И я уже не помню своего имени.

А ты? Помнишь?»

– Я Тейя Аксайя! – она потянулась к незнакомцу в приветственном жесте...

– Эй, очнись! – Наставник тряс ее за плечи, когда ее закоченевшее тело вызволили из гипсового плена.

– Я Тейя Аксайя, – бормотала девушка.

– Знаю, знаю. – Наставник растирал ее одеревеневшие руки.

– Вы мне не поверите. – Твердила Гайва сквозь стучавшие от холода зубы.

– В этом нет необходимости. В твоей жизни будет много моментов, когда ты сможешь сказать то же самое. Главное, чтобы ты сама в это верила. Скорее, у нас не так много времени.

– На что? – машинально отвечала Гайва, не до конца придя в себя.

– Нет времени объяснять. – Наставник поставил ее на ноги, укутав в теплый плащ. – Сейчас – в душ, смыть пыль веков. Через двадцать минут жду тебя в кабинете.

– Вся эта спешка из-за того, что что-то успело произойти, пока меня не было? – Гайва вопросительно посмотрела на обеспокоенного Наставника, тщетно пытаясь вытряхнуть из своих волос остатки гипсовой крошки.

– Да, за эти сутки многое успело поменяться. – Ответил он. – В глобальном масштабе.

– Что случилось?

– Эх, не хотел я тебя в это впутывать, но видимо, придется. Видишь ли, политическая обстановка в мире несколько... хм... обострилась. И от нас требуют оказать всестороннюю поддержку существующей власти.

– Каким образом? – удивилась Гайва.

– Устранить конкурентов, каким еще? – резко ответил мужчина, в спешке собирая из ящиков стола документы и бумаги, укладывая их в свой портфель. – Поэтому нас сегодня отправляют на задание. И если честно, я не знаю, может быть, оно будет для нас последним.

– Я так понимаю, что знать подробности, как обычно, не обязательно?

– У нас слишком мало времени для разговора, но, так как больше его может не быть вовсе, вот то, что ты должна знать. Их конкуренты – наша свобода. Но не потому, что те такие добрые, а эти такие злые. – Наставник понизил голос, подойдя к Гайве вплотную. – Все люди, почуяв возможность воспользоваться чужой силой, выживают из ума одинаково. Но то замешательство, что может произойти при смене власти, сыграет нам на руку. И мы больше не будем отстаивать ничьи интересы, кроме наших собственных.

– Это произойдет сегодня?

– Я не знаю, чем закончится сегодняшний вечер, будем надеяться на лучшее, но возможно, нам нужно будет исчезнуть на время. Встречаемся здесь. – Наставник протянул ей клочок бумаги с координатами. – Мы поедем всей группой. Я вас всех хорошо натренировал,

но про главный компьютер знаешь только ты. Только ты там была. Пока я буду демонстрировать заказанную и регламентированную работу, тебе нужно будет его уничтожить. Это и есть наш шанс.

– Но как я туда попаду?..

– Тсс! Кто-то идет. – Прервал ее Наставник, спрятав в ее кулак бумажку с координатами.

За дверью действительно слышались шаги. Но на этот раз это был грохот солдатских сапог. Они вошли без стука и распределились вдоль стен, держа наготове автоматы.

– Это задание слишком важно для всех нас, поэтому давайте на этот раз без неожиданностей. – Вошедший вслед за ними капитан даже не поздоровался. – У вас есть пять минут, чтобы переодеться и следовать за мной.

Один из солдат положил на стол перед ними два комплекта одежды: камуфлированные штаны, куртки и ботинки с высокими берцами.

Через десять минут они уже сидели в кузове армейского грузовика вместе с остальными подопечными Наставника и ехали в сопровождении двух машин вооруженного эскорта в неизвестном им направлении. Редкие лучи неуверенного весеннего солнца изредка пробивались сквозь брезент и весело, несмотря на общую гнетущую атмосферу, играли на лицах молодых людей, среди которых было только две девушки. Гайва разглядывала их лица, живые, по сравнению с теми же сидевшими рядом солдатами. Молодые парни. Все – Хранители. Из тех, что были в списках шедших в рождение, когда она готовила документы на Лимбе. Сейчас она уже помнила, знала и могла назвать каждого по их истинным именам. Но она бы выдала себя, если бы показала, что знает больше, чем положено.

– Если мы едем в зону боевых действий, то разве нам не полагается оружие? – шепотом поинтересовалась девушка у сидевшего рядом на скамье Наставника.

– Увы, им оружие нужно не для того, чтобы обороняться от кого-то со стороны, и уж тем более не для того, чтобы защищать нас. Думаю, у них совершенно иное задание. – Ответил он и, нахмурившись, замолчал.

Тем временем, ухабистая лесная дорога превратилась в две доверху заполненные водой ямы.

– Вылезай! Дальше пойдем пешком.

– Ну, пошли. – Буркнул себе под нос Наставник и зашагал вперед.

Следом за ним отправились его ученики и вооруженная группа сопровождения. Он прокладывал путь, ориентируясь только на свое тонкое умение чувствовать нити энергетических потоков. Он шел по тропе, только если она шла в нужном ему направлении. Через несколько часов они вышли на поросшую папоротником поляну, которую от всех прочих отличало наличие большого остроконечного камня по центру.

Наставник стоял в вечернем полумраке, освещаемый бликами трех костров, образующих треугольник, в центре которого возвышался камень. Он оглядел поляну: первым кругом, сразу за кострами, стояли его подопечные, а на незначительном удалении от них – вооруженные автоматами солдаты. Понимая, что их задача – застрелить каждого, кто посмеет не подчиниться приказу командования, он прошептал одними губами: «Господи, пусть нам сегодня повезет», и, не говоря больше ни слова, начал работу.

Погрузившись в состояние внутренней тишины и отрешившись от присутствия за своей спиной команды головорезов, он нащупал кончиками пальцев разрозненные нити энергетических струй, соединил их воедино и продел через стоявший перед ним осколок скалы, как через игольное ушко. Увидев внутренним взором лучи стоявших вокруг него учеников, он впустил каждого из них в пространство своего ментального поля, включив их в работу, оставив при этом всех посторонних за границей этого своеобразного купола. С этого момента все, что происходило в центре поляны, было размыто и расфокусировано для них, а звуки и голоса

звучали глухими и невнятными. Но главное, – что они сами посчитали это следствием своей собственной усталости.

– Теперь, когда нас никто не слышит, можно и поговорить. – Обратился Наставник к своим подопечным.

Все застыли на своих местах в ожидании указаний.

– В общих чертах ситуация следующая. Грядут значительные перемены. До изменений вселенского масштаба еще лет двадцать, не меньше. Но это и не так уж много, и именно от нас сейчас зависит, какими они будут. И кем будем мы в этих событиях: пешками в руках серых кардиналов этого мира, или сами будем создавать тот мир, в котором хотим жить. Не знаю, как вы, а я выбираю второй вариант. Кто хочет остаться ручным придворным зверьком без права на собственное мнение, можете выйти из круга. Вас никто не держит.

Никто не шелохнулся, и лишь рослый юноша спросил: «Что нужно делать?»

– Отлично. Я открою проход и буду удерживать его, чтобы вы могли вернуться. Ваша задача – следовать за проводником. Гайва, подойди ко мне. – Наставник вынул из-за пазухи сверток и передал его девушке. – Он значительно ослаб и потерял большую часть силы. Кого-то им, может, и удалось вернуть в него, но это не главное. Главное то, что его память поможет тебе вновь найти Хранилище, а наша сила и твое знание дадут нам возможность уничтожить главный компьютер.

Гайва откинула край ткани. В ее руках лежал витиеватый резной скипетр, тот самый артефакт, ради подчинения которого хотели пожертвовать ее жизнью. Сейчас от его былой силы почти ничего не осталось, и он лишь изредка подрагивал в ее руках.

– Готова?

Гайва молча кивнула, взяв скипетр обеими руками, как меч.

Плавное движение рук. Незамысловатая магическая формула, произнесенная имеющим Право. И все, кто стоял в круге силы, перешли в пространство, соединявшее в себе и истинную реальность, и ментальное поле планеты, астрал, и все те уровни нашего многослойного мира, о которых мы имеем очень смутное представление. «Идите!» – прогремел в голове у каждого голос Наставника, облаченного в сверкавшие серебром зеркальные доспехи. – «Скипетр Итериона укажет вам путь».

В раскрывшемся перед ними портале Гайва Тейя Аксайя узнала длинные, кажущиеся бесконечными, лабиринты проводов и электронных плат аппаратуры, по которым ей совсем недавно довелось путешествовать в сопровождении древних божеств. Сделав шаг вперед, она почувствовала, как скипетр потянул ее дальше, вглубь хаоса микросхем и чипов. На мгновение ей показалось, что она вновь слышит голоса своих недавних спутников. Уворачиваясь от материализующихся на ее пути препятствий в виде каких-то электронных компонентов, она прорезала всей группе путь к главному залу Хранилища, и через несколько мгновений после пары крутых виражей они были на месте. Этот зал не имел границ и простирался за пределы гипотетического горизонта множеством ячеек информации. Стоя спинами друг к другу, группа осматривалась по сторонам.

– Нам нужно найти здесь свои части. Каждому. – Скомандовала Аксайя, и они рассредоточились по пространству, которое впоследствии назовут виртуальной или интернет-реальностью.

Они шли по бесчисленным коридорам, вбирая в себя крупицы информации о самих себе, восполняя пробелы знаний о своих собственных возможностях и способностях. Оставаясь незамеченными под защитой ментального купола Наставника, они с каждым шагом становились сильнее, готовые обратить забранную и сконцентрированную системой энергию против нее самой.

– Теперь ищите части тех, кого уже нет среди живых, но чьи осколки души хотят обрести свободу и вернуться туда, откуда их забрали.

Новая волна неудержимой энергии окатила группу. Желаящих вернуться домой к своим истинным хозяевам было так много, что под их натиском молодые люди еле устояли на ногах.

Вновь встретившись в центре основного зала, маги сформировали почти такой же круг, как тот, что создал и удерживал их Наставник. Подойдя со спины, Аксайя жестко зафиксировала каждого участника на его точке в пространстве, закрепив Нити их Жизней у их ног.

– Чтобы вас не унесло следующей волной. – Коротко ответила она на вопросительные взгляды.

Встав по центру и крепко уперевшись ногами в землю, Тейя Аксайя подняла вверх материализовавшийся в ее руках меч и, воссоздав внутри себя то чувство, что переполняло ее в момент воспоминаний своих собственных инкарнаций, открыла для каждого проход к источникам истинных сил их души. Проход, связывавший их со своими божественными составляющими. Несмотря на то, что они были зафиксированы на своих точках, их будто приподняло над поверхностью. Энергия, генерируемая их давно забытыми частями, присоединяясь к ним, мощными разрядами проходила через них и устремлялась в центр круга, откуда, облекаясь в магическую формулировку, она направлялась к Наставнику. Теперь их сил могло хватить на то, чтобы присутствовать одновременно и в виртуальном мире, и в физической реальности, взаимопроецируя одну на другую.

Стоя с закрытыми глазами на поляне с камнем по центру, они слышали голос Наставника, видя и ощущая при этом абсолютно все, что происходило в Хранилище. И там и там воздух гудел от напряжения и сверкал электрическими разрядами.

– Призовите всех, о ком есть информация в этом Хранилище, из тех, кто готов, выйдя на свет, продолжить свой Путь, перестав быть кормушкой и пищей.

Гайва чувствовала незримую связь с каждым, кто так или иначе имел отношение к Конторе и ее деятельности. Больше половины из них изъявили свое желание на участие в уничтожении своей тюрьмы.

– По моей команде делаем шаг назад! – грозно произнес Наставник. – Шаг!

Вся группа, как один, сделала шаг к краю круга, чувствуя сопротивление потоков энергии, старавшихся удержать их на своих местах.

– Шаг!

С каждым следующим движением по направлению к закрывавшему их от взгляда автоматчиков куполу, они видели, как трескалась и разрывалась по швам структура Хранилища. Смещенные энергопотоки были настолько сильны, что вызывали в пространстве главного компьютера мощный деструктивный резонанс. Жестко прикрепленные к структуре Хранилища маги своим физическим движением смещали целые пласты заложенной в него информации, разрывали взаимосвязи, лавинообразно, друг за другом, разрушая его составляющие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.